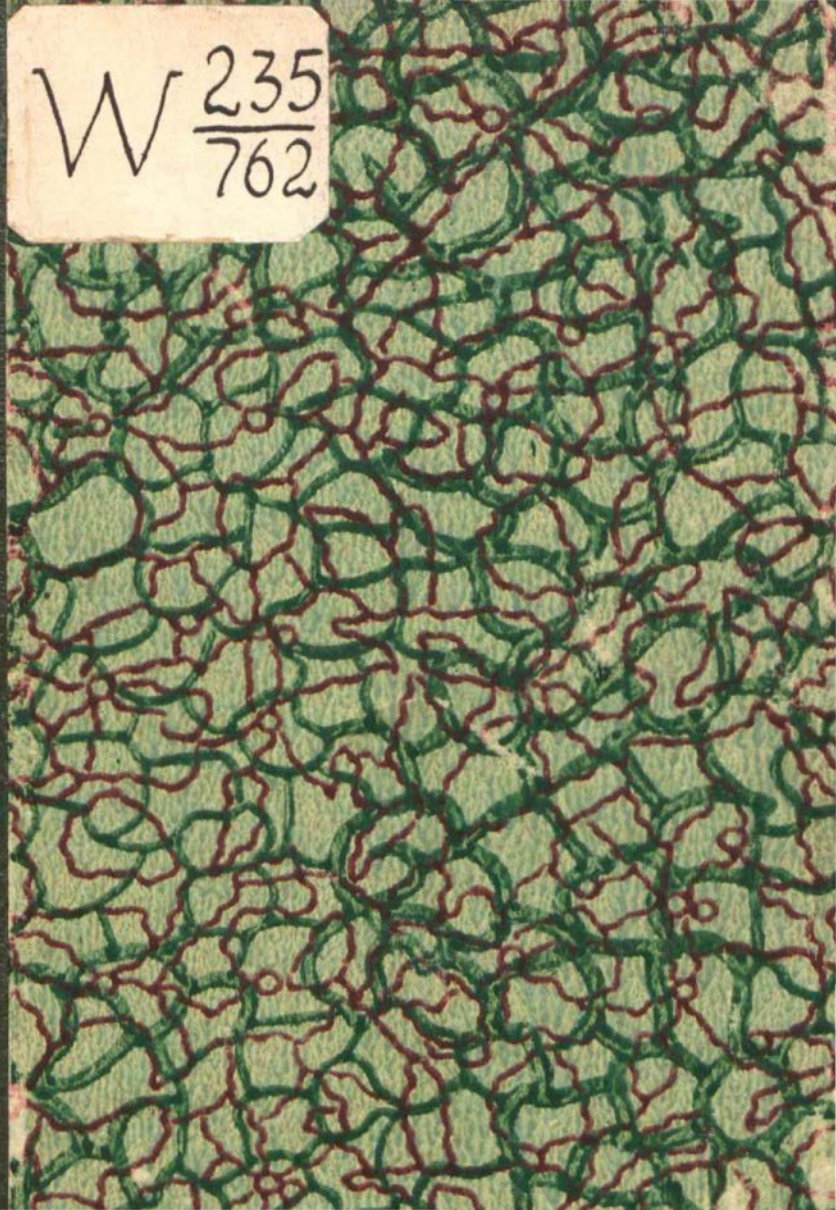

W $\frac{235}{762}$

Саратовское Общество Друзей Детей.

W 235
762
Врач П. Н. СОКОЛОВ.

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ И ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

И МЕРЫ БОРЬБЫ
С ЭТИМИ ЯВЛЕНИЯМИ
С СОВРЕМЕННОЙ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

САРАТОВ

1924.

САРАТОВСКОЕ ОБЩЕСТВО ДРУЗЕЙ ДЕТЕЙ.

W 235
762

Врач П. Н. СОКОЛОВ.

ДЕТСКАЯ БЕСПРИЗОРНОСТЬ И ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

И МЕРЫ БОРЬБЫ
С ЭТИМИ ЯВЛЕНИЯМИ
С СОВРЕМЕННОЙ
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

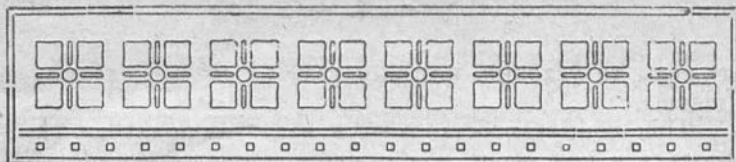

САРАТОВ
1924.

Школа полиграфпрома имени „Клары Цеткин“. Саратов,
Ленинская, 123.

2007113445

Ч А С Т Ь I.

В современном обществе, во всех культурных странах, редко встречаются два понятия, стоящие в такой близкой связи друг с другом, так вытекающие одно из другого, как понятия „детская беспризорность“ и „детская преступность.“

Правда, непосредственные наши переживания, наши чувства, связанные с этими словами, различны. Со словом „детская беспризорность“ связано у нас чувство жалости, сострадания, ибо мы так привыкли к представлению, что ребенок, дети—должны пользоваться максимумом ухода, забот, семейного или общественного приречения; лишенное всего этого существом еще слабым, еще неответственным за свои поступки, или не вполне ответственным, вызывает в нас это чувство грусти и жалости.

„Дети — преступники“ — эти слова вызывают в нас какой то ужас, какое то душевное смятение, растерянность и вместе с тем какой то стыд. Наш страх при этом является необычайно сложным чувством: нам страшно не только за самих себя, за общество, но и за ребенка, совершившего проступок, за его будущее, особенно, когда мы узнаем, как много таких преступников, как

тяжелы те условия, которые толкают их все дальше и дальше.

При попытках остановиться над этим понятием, разобравшись в нем, наше воображение рисует нам многие — сотни и тысячи будущих, закоренелых, больших преступников, являющихся угрозой для общества и вместе с тем погибших морально...

И тем не менее, эти понятия для нас, современников, так близки, так родственны. Ведь стоит только разобраться в них, а еще лучше в с мой жизненной практике, в том, что дает нам сама холодная жизнь, и мы тотчас же видим всю наготу этой истины. В самом деле, рассуждаем мы, ведь детская преступность питается главным образом, детской беспризорностью.

Ведь она, эта брошенность детей на произвол судьбы, это отсутствие за ними ухода, того ухода, на который все дети имеют такое неотъемлемое право, эта полная бездомность, в абсолютном смысле слова — в одних случаях и отсутствие любви и ласки в доме, в семье, у окружающих — в других, делают то, что многие, многие дети, лишенные теплого, благожелательного к ним отношения, делаются преступниками.

И вот два понятия, совершенно, казалось, противоположные по своему первоначальному смыслу: „беспризорные дети“, — иначе говоря, брошенные, несчастные, лишенные самого дорогого в жизни — ухода, ласки и любви и „дети преступники“ — дети — воры, грабители, поджигатели, быть может, убийцы, — эти два понятия мы невольно объединяем, сближаем, как это ни больно нам.

Но сближая их, мы, современники, тотчас же испытываем и новое чувство: чувство укора своей совести, питаемое уже другими мыслями: ведь потому появились на сцену эти дети — преступники, говорим мы себе, потому и произошло это столь ужасное явление, как совершение преступления тем существом, с представлением

о котором у нас связано столь много хорошего, нежного и чистого, что мы допускаем эту беспризорность детей, что они, эти дети брошены нами, что к ним равнодушно само общество, все мы, составляющие его членов.

Таково в главных чертах отношение современного общества к сущности детской преступности, ее происхождению. Жизнь на каждом шагу дает нам многочисленные доказательства этого. Обратимся ли мы к художественной литературе, мы встретим здесь целый ряд портретов малолетних преступников, отражающих в себе все язвы современно-культурной жизни, отравляющей своим ядом каждый шаг беспризорного ребенка и доводящей их до совершения порой самых гнусных проступков. Так, кто не помнит известного романа Диккенса „Оливер Твист“, где жизнь такого большого города, как Лондон, еще в очень недавнее время, создавала отвратительное явление — в виде целых шаек детей воришек, которых вербовали гнусные любители поживиться на чужой счет, из массы беспризорных детей, систематически появлявшихся на улице, вследствие тяжелых бытовых и материальных условий; кто не восхищался художественным изображением детей подземелья в чудной повести Короленко „В дурном обществе“, у кого не сжималось сердце при мысли, что эти прекрасные чуткие дети, жившие в ужасном подземелье, могут в недалеком будущем превратиться в профессионалов — воров.

Кто не испытал душевное страдание из-за судьбы тех детей в романе Горького „Трое“, жизнь которых так ярко рисует беспомощность беспризорных детей в борьбе с различными внешними условиями, на каждом шагу калечащими их первоначально хорошие детские души. А рассказ Чехова „Хочу спать“ разве не дает нам яркую картину жизни многих сотен и тысяч малюток — девочек, попадающих в силу тяжелых материаль-

ных условий их семей, в прислуги к более состоятельным людям и несущих там настолько непомерный труд, что порой он доводит их до тяжкого преступления. А стихотворение Некрасова „Эй, Иван“ разве не рисует нам еще более безотрадную картину многочисленных сирот детей, попадавших в полное распоряжение своих господ — помещиков и шаг за шагом формировавшихся в отпетых людей, мелких ворюшек и шутов, потерявших совершенно уважение к самим себе.

Станем ли затем изучать серьезные труды современных ученых-криминалистов, мы найдем здесь еще более определенные указания на социальный строй, на его различные недостатки, как на причину чрезвычайного развития детской преступности в наше время. Об этом пишут ученые всех стран, всех государств, ибо всюду началось всестороннее изучение социальных условий, как наиболее серьезных факторов детской преступности. Можно определенно сказать, что всеми этими трудами, как художественными, так и научными, связь между социальными условиями и детской преступностью становится в настоящее время популярной истиной, доступной пониманию и широких слоев населения.

В современной уголовной хронике есть указания, что даже сами малолетние преступники нередко носят в своей душе тяжелый укор тому обществу, которое допустило их до падения своим равнодушием и безучастностью к ним. В этом отношении мы знаем поразительный пример, сделавшийся известным криминалистам всего мира, благодаря той выпуклости, с какой это обвинение общества высказано одним из юных преступников.

Дело происходит в Парижском суде. Преступник — подросток Мальс, уличенный в убийстве, на вопрос президента Суда, что скажет он в свое оправдание, ответил буквально следующими словами: „Что Вы хотите, чтобы я сказал Вам, господин президент. С юных лет я очутился

один на троттуаре Парижа, я никогда не встречал никого, кто бы интересовался мною. Ребенком я был предоставлен случайностям... В перспективе я не имел ничего, кроме кражи; я воровал и кончил убийством". (Василевский)¹, "Детская преступность и детский суд" стр. 1).

Но лучше всего свидетельствует об упрочении в обществе указанной мысли современное законодательство всех стран, осуществляющее современные взгляды на детей-преступников в форме законов, равно как и те мероприятия, которые предлагаются современными социологами для борьбы с тем же явлением.

В законах о детях — преступниках мы встречаемся с детскими судами — совершенно особым юридическим институтом, ставящим в основе своей не вменение проступка детям, и не наказание их, а исправление и перевоспитание; современные же социологи рекомендуют целый ряд широких общественных профилактических мер, имеющих главной своей целью предупреждение совершения преступлений детьми. Конечно, так мыслит и чувствует далеко не все общество. Много есть среди него таких членов, взгляды которых в этом отношении сводятся к формуле: „сорную траву из поля вон“. Тюрьма и смертная казнь — эти понятия далеко не чужды многим современным гражданам. Но важно то, что подобные идеалы, выработанные лучшими представителями этого общества, уже не остаются только их идеалами, но проникают широким потоком в то же общество и получают в нем известное признание в виде законов и мероприятий.

Итак, если мы будем говорить только о современной эпохе, то мы всюду, во всех культурных государствах встречаемся с ясным, определенным, установившимся общественным взглядом, что детскую преступность создают отрицательные стороны жизни самого общества, порождающей громадные кадры беспризорных детей, из которых потом,

благодаря все тем же общественным условиям формируются и кадры преступников. Признание обществом собственной вины перед детьми — преступниками — вот основная черта этого современного взгляда.

Отсюда и законодательство в отношении этих юных нарушителей общественного права есть как бы формула общественного долга перед ними, как бы искупление этой вины, а меры пресечения — попытка бороться с язвами на собственном теле. Откуда же взялся подобный взгляд, проникнутый гуманностью, любовным отношением к тем, кто пытается на каждом шагу нарушить те нормы, которые создаются самим же обществом, в целях собственного своего самосохранения? Разве нам не знакома суровая расправа со всякими категориями преступников, кто бы они ни были в прошлом? Разве законодатели 18 века, освещая своим ученым авторитетом все виды жесточайшей расправы с преступниками, делали какие либо исключения для детей; разве нам известны в прошлом какие либо специальные меры в отношении их, свидетельствовавшие хотя бы о доле гуманности к ним?

Ведь не может же быть, чтобы взгляды теперешнего о-ва, общие всем культурным государствам, возникли сразу, были плодом, научным достижением только нашего века, чтобы и здесь не обнаружился великий закон, общий всем явлениям, какие мы только знаем, закон прогресса, закон постепенного развития, осложнения и совершенствования. Очевидно, что нам только тогда будет понятна вся глубина этих современных взглядов на детскую преступность, весь смысл и все значение тех мер, которые выдвигает современное уголовное право и которые встречают уже признание значительной части общества, если мы бросим хотя бы беглый взгляд на прошлое и проследим, хотя бы в кратких чертах, за движением человеческой мысли в отношении детской преступности.

Итак, что же мы черпаем в отношении интересующего нас вопроса в истории прошлого? Обращаясь прежде всего к древним временам, когда еще только начали складываться общественные отношения, мы видим, что они были необычайно суровы; сказалась эта суровость и в отношении нарушителей права, но право в те дальние времена не было еще общественным правом в более позднем смысле слова. Черты индивидуальности, частных интересов были его особенностью, а потому и преступление признавалось злостным нарушением интересов отдельного лица, и это лицо восстанавливало свои права самолично, путем самой жестокой расправы, в основе которой лежали чувство мести и ярко выраженное желание страхом предотвратить дальнейшее покушение на нарушение его прав. Понятно, что в эту эпоху не могло быть и речи о каком либо выделении детей из круга лиц, подлежащих мести и устрашению, наоборот, дети страдали даже в том случае, если преступление совершилось не ими, а их родичами, ибо месть простиралась на несколько поколений. В более поздние времена идея государственности пустила уже прочные корни, выросло понятие об общественном или о государственном благе и каждое преступление рассматривалось уже с точки зрения этого последнего, причем каждый раз считалось проявлением только *злой воли совершавшего его*, нежелания считаться с интересами других, но и в это время в основе наказания за преступление лежало все то же чувство мести и то же желание устроить. Все та же дикая расправа, как средство вытравить эту злую волю, подавить ее, руководила законодателем.

Стоит только вспомнить средние века с их инквизицией, пытками, с самыми ужасными формами смертной казни, вполне оправдываемыми учеными законодателями того времени, и мы должны будем согласиться, что только месть и застрашивание были единственным ору-

днем борьбы средневекового государства с преступниками. Очевидно, что и в эту эпоху детские преступления не могли рассматриваться иначе, как проявление той же злой воли, не желающей признавать установленных для всех правовых норм, а отсюда и наказанием для них должны были являться все те же виды казни и самых жестоких телесных истязаний. История дает немало примеров этой суровой расправы с детьми: так в Англии в 18 веке были приговорены к смертной казни двое детей 8 и 10 лет, причем над одним из них приговор был приведен в исполнение. В герцогстве Вюртембергском 1627—1628 годах было сожжено по приговору судом 16 чел. детей в возрасте от 8—12 лет; в Швеции в 1670 г. было приговорено к казни много детей самого юного возраста. В Германии уголовная ответственность начиналась с 12 лет; во Франции даже в начале 20 столетия смертная казнь допускалась к подросткам, по достижении ими 16 лет, а наше русское законодательство предельным возрастом в ту же мрачную эпоху считало 7 лет: „И аще семи лет отрок убивает кого, повинен есть смерти“, говорилось в сыском приказе 1666 г. 18-ый век был веком гуманизма. Под влиянием учения величайших людей того времени Монтескье и Беккарна меняются отношения к преступности. Выдвигается принцип гуманности и в этой области, снисходительность к совершившим преступления. Проповедуется смягчение наказания, отмена смертной казни и пыток. Новая проповедь производит потрясающее впечатление на тогдашнее общество. Одно государство за другим спешит изменить свои уголовные кодексы, внося в них эти принципы. Однако и в это время для детской преступности нет еще специального уложения и малолетние правонарушители судятся в общих судах, подвергаясь наказаниям наравне с взрослыми.

Французская революция, восторговавшая все прежние

понятия, изменившая прежний жизненный уклад, не могла не отразиться и на воззрениях на детскую преступность. Но и в эту эпоху, стремившуюся так бурно осуществить принципы гуманности во всех сторонах жизни тогдашнего общества, новое в воззрениях его коснулось лишь одной стороны общего и большого вопроса о детской преступности—предельного возраста, до которого несовершеннолетние преступники должны признаваться невменяемыми. Уголовный кодекс 1791 года всех малолетних, не достигших 16 лет, считает невменяемыми. Однако, и этот принцип его проводится неполно: в том случае, если присяжные заседатели объявляли, что малолетний и до 16 лет совершил свое преступление с разумением, *к нему все же могло быть применено наказание.*

Во всех других отношениях детские преступления рассматривались с той же точки зрения, как и преступления взрослых.

Следовательно, и вся формальная сторона ведения самого дела в суде оставалась и для детей такой же, как и для взрослых. Да оно и понятно: ведь ничто еще не говорило тогдашнему обществу и его законодателям о том, что причины совершения преступлений детьми могут быть иного порядка, чем причины преступности взрослых, и что эти причины могут лежать как в особенностях самой психофизической организации ребенка, так и во внешних условиях, влияющих, в свою очередь на эту организацию. Но вот в конце 19 века является учение *Ломброзо* о преступных типах, положившее начало криминально--антропологической школе. „Причины преступления лежат в самой организации преступника, в его физических и органических особенностях“ говорит нам это учение. Преступники уже с самого момента своего рождения несут в себе зачатки преступности. Преступление—неизбежно, как злой рок, тяготеющий над этими

преступными людьми, оно есть следствие их анатомического строения, устройства их скелета, их черепа и мозга или по собственному картинному выражению самого Ломброзо: „Преступление, ввиду атавистических и антропологических данных, представляется естественным явлением, и, употребляя язык философов, необходимым явлением, подобным рождению, смерти, зачатую, душевным болезням, разновидностью которых оно часто является“.

В силу этих врожденных анатомических, а следовательно, и физиологических и психологических особенностей, преступники от природы лишены чувства альтруизма, жалости, сострадания к ближним. Вот, например, какой портрет преступника рисует один из последователей Ломброзо—криминалист-антрополог—Лоран: „вообще все бурные страсти, обусловленные дурными инстинктами, все таятся в глубине души, а плавают, так сказать по ее поверхности. Вот люди, про которых можно сказать, что они являются послушным орудием своих страстей; гнев быстро переходит в безграничное бешенство и вкладывает в их руки кинжал убийцы; мстительность никогда не покидает их души и только ждет случая, что-бы проявиться во вне; самое незначительное оскорбление вызывает в них стремление наказать оскорбителя. Зависть постоянно с'едает их сердце и порождает в них склонность к доносам; жестокость ослепляет их и одаряет ужасной способностью наслаждаться видом пролитой крови; ложь не сходит с их уст, которые, повидимому, питают отвращение к правде. В результате борьбы этих бушующих в душе преступника страстей получается непостоянство характера, благодаря которому преступники—самые изменчивые и ненадежные люди. Сегодня он ненавидит то, что вчера нежно любил: сегодняшний лучший друг может завтра стать его злейшим врагом.

Отсюда и по отношению к ним не должно быть места гуманным мерам. Даже и судить их должны не судьи, а врачи и психиатры, задачи которых установить, было ли преступление результатом простой случайности или оно лежало в природе совершившего. В последнем случае общество, государство должно лишь гарантировать себя от неизбежных дальнейших покушений этих людей. Смерть и пожизненная каторга—вот единственная разумная мера пресечения преступлений“.

Так учил Ломброзо и его ближайшие последователи.

Во всем этом учении вопрос о детской преступности занимает очень мало места. Лишь сам Ломброзо в отношении малолетних преступников рекомендует передачу их в руки врачей и лечение в специальных больницах; но очевидно, что эта мера рекомендовалась им лишь как средство изъятия таких детей из среды остального общества.

Последователи же Ломброзо не выделяют детскую преступность из общей, но уже вся сущность их учения говорит о том, что и по отношению к ним не должно быть никакого снисхождения, что ни их возраст, ни нежность сложения, ни естественная слабость воли, ни недостаток сознательности или неразумение не должны служить поводом в применении к ним каких либо специальных мер исправительного характера. Наоборот, как бы сам собою напрашивается вывод: человеческое общество должно зорко приглядываться к ранним проявлениям органической ненормальности и все напоминающее о преступной организации уже в детях должно служить предупреждением о необходимости изъятия таких детей, еще не совершивших ничего преступного, из общества остальных граждан.

К счастью, это оказалось не так. Последующая борьба мнений, после целого ряда ученых конгрессов и частных выступлений отдельных лиц — специалистов привела прежде

всего к совершенно иному взгляду на роль биологических и физических факторов, лежащих в самих преступниках и в совершаемых ими преступлениях. Было отмечено, что вся научная работа Ломброзо, приведшая его к таким безотрадным заключениям, протекала исключительно в тюремной обстановке, среди одних только преступников, причем он невольно интересовался теми из них, чей путь усеян неоднократным совершением преступления, кто долго жил в преступной атмосфере, среди других, не менее закоренелых преступников. Он имел, таким образом, дело с вполне сложившимися, законченными преступными типами и у них то находил различные черты, свойственные в большей или меньшей степени им всем. Немудрено, что в этих чертах он усмотрел что-то неизбежное, влекущее к преступлению *вне зависимости* от каких бы то ни было причин, лежащих вне того лица, кто совершил то или другое преступление. А между тем, ведь, несомненно, что каждый из них, прежде чем попасть в тюрьму, и особенно, прежде, чем быть зачисленным в кадры закоренелых преступников, прошел длинный, длинный жизненный путь, протекавший в самой разнообразной обстановке и при самых разнообразных условиях—то в семье, то в школе, то среди разнообразных слоев общества, среди товарищей, друзей и врагов. Пусть в его организме заложены от природы некоторые ненормальности, пусть им унаследованы пониженные умственные способности, слабая воля, изменчивость характера, повышенная страстность, но ведь эти качества могут под влиянием различных условий, то развиваться, то наоборот, подавляться; ведь ни одно живое существо не может рассматриваться вне условий, в которых оно живет, тем более человек, будь то самый благородный индивидуум или отъявленный преступник: каждый из них, неся в себе известные зачатки, полученные им от его предков, есть в то же время продукт его среды.

Вот каковы идеи, выдвинутые противниками Ломброзо, нанесшие жестокий удар всем его научным построениям.

Мрачные взгляды итальянского ученого не были, таким образом, приняты остальным ученым миром. Однако мы видим, что учение Ломброзо не прошло бесследно. Его идеи сыграли громадную роль в дальнейшем изучении вопроса о преступлении: они послужили толчком к изучению самого преступника, его душевного мира, его характера, всех душевных его качеств и их последовательного развития вплоть до выработки из него определенного преступного типа; в то же время они заставили обратить внимание ученого мира, а за ними, конечно, и остального общества на те условия—бытовые и общественные,—в которых слагается каждый преступник; в этих обоих направлениях и пошло дальнейшее изучение вопроса о преступлении и его виновников-преступников. Это изучение в то же время сдвинуло с мертвой точки и вопрос о малолетних преступниках. Так, массовое антропологическое исследование детей в школах, общественных местах, особенно массовое изучение их психики, открыло во многих из них те же черты, которые были подмечены Ломброзо у преступных людей и эти изыскания их приводили к взгляду, что эти отклонения, ненормальности или дефекты психической сферы—безволие, бесхарактерность, ограниченность умственных способностей, резкая изменчивость настроения и пр. не есть еще преступные наклонности. Правда, такие дети трудно ориентируются в окружающем мире, легко подчиняются дурным влияниям и тогда они делаются преступниками. Но это вовсе не обязательно: дайте им другое воспитание, окружите их заботами, развеите в них максимум самостоятельности или просто подчините их добрым началам, исходящим от людей, к ним благорасположенным, и вы получите не только не врагов общества, но наоборот, полезных ему членов.

Таким образом, на сцену появляются теперь новые понятия. *Не врожденная склонность к преступлению, не рок, тяготеющий над определенной личностью, толкающий его неизбежно только в сторону преступлений*, играет роль в совершении всевозможных преступлений, а некоторые ненормальности в душевном мире того или другого субъекта, заложенные в нем от рождения или с раннего детства, лишь предрасполагающие его к преступности; но это предрасположение лишь при известных условиях, лежащих в несовершенствах самого общества, создает преступные типы. „Аномальные“ или „дефективные“ дети, их предрасположение к преступлениям, и социальная среда, вредно влияющая на них—таковы те понятия, тесно связанные одна с другим, которые выдвинула наука в конце 9 века, после долгих блужданий мысли для объяснения происхождения тех преступных типов, которые до тех пор заполняли тюрьмы или шли на смертную казнь.

Однако, представители уголовного права не остановились на этих первоначальных идеях. В дальнейшем они еще более углубили эти понятия, расширили их и осветили светом научных данных, добытых с одной стороны изучением психики детского возраста, с другой—социологией. И в свете этих данных вопрос о детской преступности принял совершенно иное направление и открыл перед изумленным миром совершенно иные проблемы. Нельзя не остановиться, хотя бы в самых кратких чертах, на выводах этих наук, касающихся детской преступности.

Тщательное изучение души ребенка специальными психологами привело к заключению, что эта душа, этот духовный мир, необычайно резко отличается от души взрослого. Здесь, в этом мире, все своеобразно, все непохоже на душевные явления взрослого. Только наша эпоха, говорит известный психолог и знаток детской души Вильям Стерн, додумалась взглянуть на самого

ребенка, как на проблему, и тут внезапно открылось, к каким глубоким тайнам и загадкам люди оставались слепы и глухи в течение тысячелетий.

Это своеобразие заключается, с одной стороны, в зачаточности душевных способностей, их зародышевом, так сказать состоянии, с другой—в способности реагировать более сильно, чем у взрослых, на внешние импульсы, причем результатом этой реакции является или дальнейшее их развитие, или наоборот, их угасание, постепенное замирание. Только в результате этого взаимодействия создается постепенно нечто прочное и стойкое, давая в совокупности все более и более определенный характер, определенную умственную и нравственную физиономию. И действительно, если мы примем во внимание, что душевный мир человека, а следовательно и ребенка, складывается из трех больших групп психических явлений—умственных способностей, чувств и эмоций и волевых актов, то во всех этих областях мы найдем у маленького ребенка нечто только что нарождающееся, только что выступающее и заявляющее себя. По мере его роста и вместе с тем, по мере воздействия на него внешних факторов, развиваются или угасают его разнообразные душевные способности, входящие в состав всех трех указанных групп. Так, нечего уже говорить об умственных способностях, о разуме ребенка. Если оставить в стороне исключительно раннее развитие у отдельных детей той или другой умственной способности, в общем для ребенка характерно—недостаток сознательности в отношении окружающего, недостаток разума, именно в силу еще слабого развития разума и его способностей.

Казалось бы это так понятно и просто, а между тем понятие о детском неразумении выявлено только в наше время, в течение целых веков не играя никакой роли; но и теперь еще далеко не всеми признается, что оно есть

один из главных факторов преступности и что в силу этого оно должно быть смягчающим обстоятельством для малолетних преступников.

Еще более элементарны и зачаточны чувства ребенка, его переживания—то радостные и приятные, то, наоборот, тяжелые, грустные и неприятные, связанные с различными внешними впечатлениями. Для самого раннего возраста характерно проявление этих чувств по поводу удовлетворения и неудовлетворения таких элементарных органических потребностей, как сон и еда. Но и позже, еще долго в ребенке преобладают часто эгоистические чувства, связанные с получением или недополучением еды, сладостей, игрушек, с обладанием каким-нибудь животным, с выполнением его детских капризных желаний. Только постепенно развивается в ребенке чувство симпатии к определенным лицам, сначала более близким—отцу и матери, а затем и все более и более отдаленным. Эти симпатии постепенно выливаются уже в форму альтруизма, когда ребенок, ради симпатии к другим начинает отказываться от обладания приятными ему предметами, а отсюда уже постепенный переход к чувству долга, обязанностей. Так постепенно слагаются в ребенке нравственные представления, возникает, и развивается его нравственный облик. Не ясно ли, что и в этой области—чувств и эмоций, в выработке их, сплошь до создания нравственного мира у ребенка, отрока и юноши, громаднейшую роль играют также окружающие лица и вся обстановка, все жизненные условия, как и в развитии разума и умственных способностей. Ведь мы на каждом шагу видим, что любая семья или группа лиц, ее заменяющая, в одних случаях вполне сознательно, в других—инстинктивно, чутьем,—постоянно руководит симпатиями и антипатиями ребенка, направляет их в определенную сторону, создает определенную обстановку, окружает его определенными лицами; и на наших глазах в

ребенке сглаживаются и исчезают одни черты и развиваются другие: от признания только своих интересов законом всего он начинает считаться с интересами других; детский врожденный эгоизм сменяется альтруистическим чувством и понятиями. И в зависимости *от степени напряженности работы близких к ребенку лиц в развитии этих чувств* вырабатываются в нем более или менее гуманный характер, большая или меньшая *степень самоотверженности*.

Вполне понятно отсюда, что во всех тех случаях, когда у ребенка нет семьи и когда государство или общество не берут на себя обязанностей этой семьи, иначе говоря, когда ребенок, в силу беспризорности, лишен ухода, руководства и общего влияния окружающих, он попадает в случайную обстановку, в обычно, как правило, крайне неблагоприятно слагающуюся для выработки его нравственных понятий: его чувства и эмоции всегда в этих случаях дурно направлены, имея своими возбудителями только чувственные потребности, только дурные поступки, только нездоровую обстановку. Все хорошее в нем гложет, исчезает. Наш русский художник-писатель Максим Горький в своем известном романе „Трое“ дал нам особенно яркие примеры таких беспризорных детей; среди них особенно выделяются Илюша с хоршими задатками, с чуткой душой, с вдумчивым отношением ко всему окружающему. Илюша рано лишился семьи, им никто не руководил, он был предоставлен себе, а окружающими его условиями была только житейская грязь. Кругом себя он видел только дурные примеры и отрицательные качества людей. Вся трагедия его жизни заключается в том, что без поддержки извне, не видя настоящей ласки и любви к себе, или видя ее только со стороны подобных ему несчастных и ничемных людей, он все же долго мечтал о чистой жизни, о чем-то хорошем и светлом. Мечты не сбылись, а жизнь роковым образом толкала

его только на дурное, раскрывала перед ним только грязные стороны в окружающих его людях, и он падал все больше и больше и кончил убийством почти бессмысленным, беспельным, ненужным ему.

Но не будем долгие останавливаться на своеобразии этих душевных явлений детей — чувств, симпатий и антипатий, как ни интересна эта область. Сосредоточим наше внимание теперь на третьей группе душевных явлений, имеющей не меньшее значение для объяснений особенностей детских преступлений — на группе волевых проявлений, также весьма отличающей детей от взрослых.

Наиболее характерными чертами выявления воли у детей, постепенно изменяющимися по мере их роста, но все же сравнительно долго сохраняющими свои особенности, являются следующие: более значительная активность, и стремительность действий, чем это наблюдается у взрослых. Эти качества, в свою очередь, обуславливаются с одной стороны живостью воображения детей, склонностью их жить в области фантазии, с другой — слабым развитием их задерживательных центров. Уже эти только черты должны побуждать нас совершенно иначе относиться ко многим детским преступлениям, чем мы относимся к ним у взрослых. На этой именно почве совершаются так часто поджоги, сопровождающиеся многочисленными жертвами. Знаменитый случай в Филадельфии, когда 12-летняя девочка положила дом, желая видеть, как приедут пожарные, будут подставлять лестницы и продельвать все манипуляции, виденные ею когда то случайно, а может быть даже и вычитанные в какой нибудь детской книжке (Гернет), вполне справедливо был объяснен одной экспансивной американкой, а за ней всем американским обществом, именно как проявление этих детских качеств, и девочка не только не понесла наказания, но сделалась предметом особенного внимания всей Америки. Нередко случается также, что деги впервые

совершают воровство именно благодаря только этим, свойственным всем детям, качествам, а уже эти первые случаи, при известных условиях, толкают их на дальнейшие проступки, все более и более тяжелые. Нам невольно припоминается при этом случай, рассказанный американским судьей Линдлеем в своих записках, когда мальчик Гарри Р., будучи еще в 11-ти летнем возрасте, увлекшись желанием сделать себе змей, украл бритву, попал за это в тюрьму и выйдя оттуда, сделался уже настоящим вором, попадался несколько раз в воровстве и, наконец, однажды был подстрелен гнавшей за ним полицией. (Сб. Гернет стр. 481)

Сколько таких Гарри погибло в тюрьмах всего мира в самых ранних годах; сколько сделалось из них негодяев только потому, что своевременно не были правильно учтены свойства детской души и не пришли им на помощь надлежащим воспитанием вместо тюрем и каторги. (Гернет)

Укреплению в детях преступных наклонностей способствуют далее такие черты детской психики, как склонность к подражанию и легкая внушаемость. Подпадая под влияние других лиц, более сильных волей, чем они, но дурно направленных в сторону именно совершения преступлений, они легко делаются верными исполнителями этой воли, их слугами и почти рабами; но особенно пагубную роль в подготовке из детей преступников играют те особенности детской души, которые проявляются в периоде наступления половой зрелости. „В этот период их жизни, пишет д-р Кашенко, резко меняется характер, замечается полный перелом как у мальчиков, так и у девочек, в это время начинается нарастание осознания собственного я, выступает ярко жизнь чувства, появляется кокетливость, рассеянность, невнимательность, равнодушное отношение к занятиям.“ У мальчиков особенно резко проявляется противоречивое настроение, они не желают считаться с авторитетом старших, проявляется временная грубость, жестокость, ложь, хвастовство, эгоизм,

жажда сильных ощущений, приключений, стремлений к героическим, драматическим положениям. Их влечет в театры, многих, главным образом, в кинематографы, где на экране они ловят и вбирают в себя все, что отвечает их интересам и фантазии.

Итак мы должны признать на основании всего этого, что душевный мир ребенка и подростка полон таких качеств и свойств, которые требуют необычайно бережливого отношения к детям со стороны окружающих. Только постоянным наблюдением за ребенком, за постепенным развитием в нем различных душевных свойств, созданием необходимых условий для развития воли, твердости характера в направлении всего хорошего и чистого и в устранении с его пути, до известной поры, всего толкающего на вредное для других — можно создать из ребенка гражданина.

А сколько затруднений встречается на этом длинном и трудном пути даже и в хорошей семье, среди хорошо расположенных к ребенку лиц?

Об этом знает каждый отец и каждая мать, которым удалось довести детей до старшего возраста.

Стоит теперь представить себе хотя наиболее тяжелые социальные условия, которые иной раз очень рано окружают многих детей и мы увидим, как при наличии упомянутых особенностей душевных качеств детей они должны калечить их, выковыывая из них шаг за шагом глубоких правонарушителей. „Ведь юность, говорит проф. Алоффенбург, подобна чувствительному инструменту, функции которого приходят в расстройство от малейшего внешнего толчка“ (Гернет стр 18).

Вот сиротство, отсутствие любовных забот, ласки, ухода, которые так часто выпадают на долю многих детей, связанные обычно с недостатком или полным отсутствием какогонибудь воспитания. Вот нужда с ее недостатками,

холодной квартирой, с постоянной психической придавленностью всей семьи, с невозможностью получить хотя сколько-нибудь сносное образование.

Вот заброшенность ребенка в семье, где есть отец и мать, может быть и другие родственники, но где ребенок, в силу каких либо причин в сущности никому не нужен, и потому растет без всякого надзора и попечения.

Вот и наконец еще худшее из условий,— спутников многострадальной жизни многих сотен и тысяч детей — их беззащитность, когда в родной или чужой семье их эксплуатируют, заставляют нищенствовать, заниматься проституцией, нередко подвергают истязаниям. Вдумаемся в сущность каждого из этих условий и мы тотчас же должны согласиться, что все они — могучие факторы беспризорности, беспризорности самой неприглядной, холодной и суровой. В самом деле, ведь сирота-ребенок — это и есть беспризорный, сначала в той семье, которая дала ему угол — приют среди дальних родственников, знакомых. Здесь ему уделяется минимум внимания. Он здесь навязан судьбой, чужой или почти чужой.

В следующей неизбежной стадии — он на улице, среди, может быть, таких же сирот, но уже испорченных, развращенных. А там — воспитание этой же улицы, на котором мы еще остановимся.

А материальная нужда семьи, вечная погоня за куском хлеба! Разве это не рождает беспризорность, расшатывая все семейные связи, вызывая вечно раздраженное состояние взрослых членов семьи, заставляя ребенка искать утех на той же улице, а часто и выгоняя его сюда для добычи этого куска, для нищенства, для воровства? Заброшенность ребенка в семье, будет ли это вследствие болезни кого либо из родителей или близких родственников, или алкоголизма, или какой либо другой причины, разве это также не связано с лишением всякого призора, т. е. присмотра, забот и внимания со

стороны кого бы то ни было? И неизбежно появление такого ребенка в шайке уличных детей, заменяющей ему отныне родную семью.

Нечего говорить о случаях детской беззащитности, гнусной эксплуатации или истязаний; такие дети всегда лишены элементарных забот в семье и пользуются всяким удобным случаем, чтобы вырваться вон из дома на волю, где их более радушно принимает все то же общество уличных беспризорных детей.

Если попробуем теперь взглянуть на дальнейшую судьбу этих наиболее часто встречающихся групп беспризорных детей, то мы увидим другие специальные факторы, тесно вплетающиеся в первые, связанные с ними неразрывными узлами и все дальше и дальше толкающие их на путь порока и преступности.

Мы увидим, прежде всего, что за порогом равнодушной или прямо враждебной к этим детям семьи ждет улица. А что дает она им? Необычайно много; так много, что почти невозможно ожидать, чтобы эти дети, выброшенные сюда из семьи, спасли чистоту своей души и не приняли известного облика. Здесь им прежде всего просто весело, весело оттого уже, что они на свободе, вдали от упреков, ругани и часто от побоев, весело от тех богатых впечатлений, которые сменяют их монотонную будничную жизнь; здесь шум, движение, миллионы всевозможных сцен; весело и оттого, что можно шалить и развлекаться с такими, как они, детьми, можно проявить удалство, правда, под час грубое, нелепое, но ведь здесь не осудят, не побранят, а наоборот, поощрят и одобрят. Но улица влечет к себе этих детей и другими, более серьезными удовольствиями; они голодны, у них нет теплой одежды, а за стеклами трактиров, гостинниц, чайных и булочных видны соблазнительные съестные припасы, и чудится тепло и уютно. К тому же там светло и шумно;

и вот эти брошенные дети всеми фибрами своей души, всеми помыслами тянутся к стеклам чайных, трактиров, пивных, к прилавкам кондитерских.

Дома они ничего приятного не видят и не слышат, а тут на каждом шагу кино, о соблазнительных и интересных картинах которых так красноречиво говорят многочисленные афиши на улицах, тут цирк с его борьбой, тут другие необычайные зрелища.

А вот в какомнибудь сарае или другом укромном уголке притаилась группа молодчиков и с таким заразительным азартом играет в карты, в ремешок, в орлянку; как не примкнуть к ним, как не попробовать счастья на выигрыш? Но ведь на все это нужны деньги? Только деньги дают возможность пользоваться всеми этими благами, об этом говорит им их ранний ежедневный опыт, этому учили их постоянно в их семьях; об этом свидетельствуют толпы покупателей, на их глазах покупающих все то, что для них, детей, так соблазнительно.

Так ли однако трудно достать деньги? Ведь вон же другие дети собирают милостыню, прикинувшись бедными и несчастными и немало на этом зарабатывают. Вон еще группа товарищей залезают в карманы, забираются во дворы, в окна квартир и так легко достают таким путем много много денег.

А вот некоторые из девочек идут в сожительницы к более состоятельным лицам или становятся проститутками и тоже... в результате недурно живут. Одна за другой вступают в душу ребенка новые мысли, все новые и новые соблазны влекут его к себе, и некому его остановить; некому указать на дурную сторону его мысли, его поступков; наоборот, в близкой ему теперь среде, среди таких же отшепенцев — нищих, воров и проституток, его на каждом шагу одобряют и поощряют. А там, среди остальных людей, имеющих семьи, живущих в теплых и светлых квартирах, он все больше и больше

становится чужим. Его боятся, сторонятся, подчас ругают. И он, этот юный правонарушитель, научается рано платить тем же этому холодному обществу. У него вытравляются чувства симпатии к людям, они становятся ему ненавистны; доставить им какуюнибудь неприятность — удовольствие для него. Отсюда и преступления, составляющие теперь в его глазах нарушение прав только этих сытых, одетых, обутых и довольных людей — не кажутся ему чем то недопустимым для его совести. Все можно по отношению этих чужих, враждебных ему людей. „В чем каяться? Я убил, и меня убивают — мы квиты“. Вот слова одного из юных преступников в ответ на предложение священника покаяться перед смертной казнью, к которой он был приговорен за целый ряд самых ужасных преступлений. И вот чудный душевный аппарат ребенка, где так много различных зачатков, но где хорошее пореплетается с дурным, постепенно принимает тот уклон в своем развитии, в котором растет все больше и выдвигается на сцену все дурное и злое, хорошие же инстинкты глохнут и вянут.

Но на пути ведь еще один из этапов, играющий колоссальную роль в дальнейшей фабрикации преступников из невинных раньше детей—это тюрьма. Каждый ребенок или подросток, попадая в тюрьму, встречается там с многочисленными толпами уже закоренелых преступников, часто лишенных уже всяких нравственных устоев, развращенных до мозга костей. Здесь вторая за улицей школа, здесь дальнейшая формовка того пластического материала, который представляет из себя душа ребенка. Чему то он здесь не научится, что не услышит дурного? Циничная ругань, бахвальство похождениями, часто выдуманными, воровской жаргон, полное одобрение всевозможных гадких поступков, возведение в герои смельчаков на этом поприще и другие подобные обыденные тюремные явления служат слишком еще слабыми факторами, разве

вращающими его душу. Здесь не редкость более ужасные моменты, заставляющие детей чувствовать свое моральное падение еще больше и глубже. Ведь в уголовных отделениях тюрем почти обыденное явление, что мальчиков насилюют взрослые преступники. Вот что по этому поводу мы находим в сборнике Гернета, посвященном детям--преступникам: „Насколько губительно-растлевающее действует такое совместное заключение малолетних со взрослыми, свидетельствуют обстоятельства, известные прежней практике исправительных приютов.

Малолетние, попадавшие в подследственное отделение Рукавишниковского приюта и подвергнутые медицинскому осмотру, давали следующие результаты: „Если ктонибудь из таких детей провел хотя одну ночь в тюрьме, то почти всегда на нем „имелись следы насилия“, дети показывали, что за одну ночь ребенка насильовали трое или четверо Педерастия — бытовое явление нашей тюрьмы Преступный мальчик — „голец“ на тюремном жаргоне, является самым излюбленным объектом половых наслаждений взрослых арестантов. Другие названия ему — „плашкета“ или „маргаритка“.

Итак, тюрьма, особенно при продолжительном пребывании там ребенка окончательно вытравливает из него все хорошее и создает из него омерзительный тип закоренелого упорного преступника, с его своеобразной психологией, особенным обликом и порочным поведением подобным его теперешним товарищам.

До сих пор мы говорили о нормальном ребенке с нормальной организацией и психикой. Мы видели, что эти дети в силу известных особенностей вообще психики ребенка, при сочетании целого ряда обстоятельств, при совокупности тяжелых социальных условий, могут превращаться в привычного, закоренелого преступника. Но ведь далеко не все дети рождаются психически здоровыми, нормальными. Среди них есть немало с дурной на-

следственностью, с уклонами в душевной области, с различными аномалиями, более или менее резко выраженными в их психо-физической организации. Так, есть многочисленные категории детей, так называемых, умственно-дефективных, с замедленным в большей или меньшей степени развитием, как физическим, так и психическим. У них поражен интеллект, слабо развита память; они плохо понимают, туго соображают. В школе они отстают от других по своей успешности, в жизни они плохо ориентируются в окружающем, должны вечно быть на поводу у других.

Такие дети для нас интересны потому, что они могут совершать пре тупления часто довольно серьезные, не давая себе ясного в том отчета, несмотря на то, что по возрасту они уже должны со нять то, что они проделывают. Есть затем немало детей с дефектами характера. Их интеллект подчас ни чем не отличается от интеллекта детей нормальных; порой они выше среднего уровня по умственному развитию; п рой же, наоборот, пор жают своими блестящими умственными способностями; но наиболее выдающейся чертой для них являются дефекты в сфере чувств и в сфере воли, т. е. в тех областях, которые в совокупности составляют то, что принято называть характером.

Благодаря вот этим дефектам одни из них болезненно подвижны, не уравновешены, неустойчивы и непостоянны: их мысли быстро мняются, благодаря чему такие дети не могут сосредоточиться на каком нибудь вопросе серьезно, но и чувства и желания их также чрезвычайно неустойчивы, и резкие переходы от грусти к необычайной веселости—обычное их состояние.

Для них характерно, далее, и отсутствие настойчивости в приведении в исполнение своих желаний: они проявляют порой большую энергию, но при первом препятствии па суют; постоянство и напряженность усилий для них не-

доступны. У других, наоборот, эта дефективность воли и чувств выражается в необычайной медлительности. „В то время, говорит д-р Кашенко в одном из своих печатных трудов, как первые всегда куда-то стремятся, спешат, фантазируют, мечтают, азартно проявляют себя в играх, повышено работают полосами, или также полосами, в другие периоды—реакции, спада волны, бездельничают и озорничают,—вторые никуда не торопятся, сидят, спокойно на своем месте, никому не мешают и никаких воздушных замков не строят. В то время, как у первых, главным образом, уклон в области эмоциональной сферы, у вторых—дефекты сказываются преимущественно в области воли, которая представляется патологически-ослабленной: они безвольны“. (Д-р Кашенко).

Но как не противоположны обе категории таких детей по своим характерам, все же можно сказать одно: такие дети, будучи предоставлены самим себе, без серьезного воспитания и руководства, в лучшем случае ненужны, никчемны, в худшем, при особо неблагоприятных условиях, вредны и опасны.

Ведь большая или меньшая степень безволия, характерная для обеих категорий таких детей, делает их в некоторых случаях послушным орудием в руках других людей, людей злонамеренных, уже раньше прошедших всю школу преступности и ищущих себе подходящих помощников. Но есть и еще одна категория детей с дефектами в характере, еще более серьезными. Дефективность у них наблюдается, главным образом, в области наиболее тонких и высоких чувств человека, составляющих совершенно особую область—область нравственности. Им свойственна жестокость, притом в значительно большей степени, чем это обычно наблюдается у маленьких детей, чужое горе их мало трогает, они даже любят мучить других. Они эгоистичны в высокой мере, чувства чести и собственного достоинства им также чужды, половое чувство их не-

редко не только рано развивается, но и извращено, и много, много других ненормальностей может наблюдаться у таких аморальных детей, притом степень проявления этих ненормальностей может быть также различна от очень слабой, уловимой лишь при близком соприкосновении с ними, до грубо бьющей в глаза. Эти дети при соприкосновении с невзгодами жизни дают кадры наиболее серьезных преступников и на этой то категории детей мы особенно наблюдаем взаимодействия индивидуального фактора, т. е. степень болезненного уклона их психики, с одной стороны, и вредных социальных условий—с другой.

Итак, во всех этих случаях дело значительно сложнее: отрицательные социальные факторы, бедность, заброшенность, отсутствие ухода, воспитания, влияние улицы, дурные примеры и прочее действуют в продолжении значительного времени на *больной организм, на больную психику*, еще более предрасположенную к выявлению в ней различных отрицательных качеств, чем психика здорового ребенка. Таким образом, в этих случаях—более или менее значительных аномалий и дефектов в психической сфере детей, роль внешних условий—семьи и общества в формировании из них преступников, мы должны признать еще более громадной.

Подытоживая на этом наш исторический обзор теорий и взглядов на детскую преступность, мы видим теперь, как человечество, в лице его ученых представителей—врачей, юристов и социологов, вынуждено было постепенно, шаг за шагом, искать главную причину детской преступности в различных отрицательных сторонах социального строя. Вместе с тем эти искания ученых привели их к другому не менее важному выводу: детская психика обладает многими особенностями, отличающими детей от взрослых, и эти то особенности еще усугубляют значение социального неустройства, постоянно на них воздействующего. Само собой понятно, что такая перемена взглядов не могла не отразиться и на меро-

приятных против этой преступности, не могла не вызвать и столь-же полного переворота во взглядах на самую сущность этих мероприятий.

Посмотрим же теперь, каково было это влияние новых взглядов на уголовные кодексы различных государств. Но предварительно ознакомимся с главнейшими моментами развития детской преступности в главнейших культурных государствах, начиная со второй половины 19 века, т. е. с того, приблизительно, момента, когда упомянутые взгляды были окончательно сформулированы учеными всего мира.

Ч А С Т Ь II.

Размеры детской преступности в различных государствах и меры борьбы с ней.

Знакомясь с статистическими данными, имеющимися в этом отношении, мы видим, что детская преступность в своем развитии подвергалась некоторым, довольно интересным колебаниям, общим всем государствам, с некоторыми лишь отклонениями, что дает нам право установить здесь и некоторую законность. Последняя же, в свою очередь, требует от нас и соответственного объяснения. Так, всюду, во всех государствах, кроме одной только Англии, количество преступлений, совершаемых малолетними, во вторую половину, или еще правильнее, в последнюю четверть 19 века, постепенно и неуклонно растет, почти вплоть до конца этого века. В Англии для этого периода мы наблюдаем обратное—число детских преступлений неуклонно падает.

Начало 20 века знаменуется, наоборот, общим постепенным падением цифр детской преступности во всех государствах без исключения. Но это падение однако, продолжается лишь до начала войны. Свойной все дело быстро меняется — в сторону нового увеличения на этот раз, пожалуй, еще более сильного, чем раньше.

Наконец, в России на колебание преступности среди детей влияет и еще несколько факторов: революция 1905—1906 г., гражданская война с 1918 года и, наконец, голод 1921—1922 г. г.

Вот некоторые цифры, подтверждающие эти выводы криминальной статистики. Первый период — *конец 19 века*. В Германии количество детей, присужденных к различным видам наказаний за время с 1883 г. по 1896 г. увеличилось в отношении детей от 12 до 15 лет на 128%, а в отношении группы от 15 до 18 л. 159%. Число взрослых преступников за то же время, осужденных германскими судами, выросло на 138%; прирост населения за тот же период равнялся 115%.

Таким образом, рост детской преступности в Германии в конце 19 века превзошел даже рост преступности взрослых (Васильевский, стр. 48.) Во Франции, по исследованиям Дриля, количество обвиняемых в возрасте до 16 лет за полвека (1830—1880) возросло на 140%. Интересны данные во Франции по десятилетиям за это время для возр. до 16 лет:

1831—1840	3039 ч.
1841—1850	4504 „
1851—1860	6478 „
1861—1870	5311 „
1871—1880	6600 „
1881—1890	6412 „
1891—1900	6339 „

В Австрии число несовершеннолетних осужденных от 11 до 14 л. за 20 лет (с 1880 по 1900 г.) возросло на 80%.

То же явление наблюдаем в Италии, Бельгии, Америке. Подтверждается это и на нашей России. По данным Тарновского, за период 12 лет (1885—1895 г.) число несовершеннолетних, осужденных (Васильевск., с. 48), как общими, так и мировыми судами, увеличилось на 15% тогда как число взрослых, осужденных за этот период, возросло лишь на 7%.

Что касается Англии, то мы сказали, что она в этом отношении составляет исключение. И действительно, еще в середине 19 века в ней наблюдался такой же угрожающий рост детской преступности, как и всюду. В 1847 г. она, например, выражалась числом 34.500 дел о малолетних, в 1848 году возросла до 39.000. Но уже за пятилетие с 1864—1848 г. число осужденных до 16 лет в среднем равнялось 10,098, за пять лет с 1884-1889 г.—8056. За пять лет с 1889—1893—7067 и в 1894 г.—6895.

Во второй период—начало 20 века,—в Германии с 1900 года наблюдается следующее: число осужденных несовершеннолетних от 12—18 лет на 100.000 населения того же возраста:

годы	число осужд.
1901 г.	739
1902 „	740
1903 „	726
1904 „	715
1905 „	733
1906 „	764
1907 „	734
1908 „	729
1909 „	650
1910 „	659

В Австрии за 12 лет (с 1901 по 1912) преступность группы от 14 16 лет сократилась на 46,3%, 16—18 лет на 16%, во Франции в годы 1901—1904 в среднем за год в возрасте до 16 л. число обвиняемых было 4615, в 1910 году 4340.

В Англии — среднее — ежегодное число обвиняемых в преступлениях было на 100.000 населения в

1898 г. —1902 г.	479
1903 „ —1907 „	425

В России падение количества преступлений начинается несколько раньше, чем в других государствах и продолжается лишь до 1905—1906 г. г., т. е. до периода первой революции, когда наблюдается новый скачек вверх. Вот цифра количества осужденных малолетних:

1896—1900 г.	31732
1901—1905 „	19709
1906—1910 „	25358

Третий период—война и после войны (имеются данные только по большим городам).

В Берлине:

Возраст:	Г о д ы:					
	1914	1915	1916	1917	1918	1919 1920
12—18 лет	1131	1413	2681	3158	4687	2352 3599

В В е н е:

Г о д ы:	Число прест. до 16 лет:
1913	114
1914	129
1915	249
1916	374

В Л о н д о н е мальчиков до 14 лет: 1914 г. —1708
1915 „ —2713

Отмечено общее возрастание преступников несовершеннолетних для 17 больших городов Англии: за 1915 г. оно возросло против 14 на 30%.

В русских городах:

Ленинград	в 1913 г.	—1640	Москва	—1513	Киев	—
„	„ 1914 „	—1775	„	—1649	„	1132
„	„ 1915 „	—2096	„	—2009	„	1516
„	„ 1916 „	—3271	„	—	„	1703

Четвертый период (для России).

Следующая таблица указывает на значительный подъем преступности, связанной с гражданской войной. За пять лет (1918—1922) движение числа дел в комиссиях, а также число несовершеннолетних выразилось в следующих цифрах:

Годы	1918	1919	1920	1921	1922
Количество дел	4409	5920	5810	5358	3266
Число обвиняемых . .	5888	8404	9106	7902	4500

Итак, мы наблюдаем возрастание волны детской преступности в конце 19 века, падение ее в начале 20 столетия, сильный подъем с момента войны. Таков общий закон для всех государств, кроме Англии, которая является ярким исключением, но лишь для первого периода конца 19 века, в течение которого в ней наблюдалось снижение, в противоположность общему подъему во всех других государствах. Кроме того—для России мы имеем дополнительные волны, совпадающие с годами революции, гражданской войны и голода.

Мы спросим себя теперь, чем же объясняется подобная законность, где искать причины подобных колебаний, замечательных именно тем, что они с такой правильностью наблюдаются всюду во всех государствах, исключая Англии, и почему именно Англия является в этом отношении таким исключением. Нам тотчас же это будет понятным, если мы ознакомимся с теми условиями, в которых развивалась детская преступность во все эти периоды. Это знакомство приводит нас к заключению, что два, главным образом, фактора играли здесь преимущественную роль. Во первых, те колоссальные волны детской беспорядочности, которые прокатились за это время по всем государствам, а во вторых, те практические мероприятия, которые выдвигались различными государствами для защиты интересов граждан от детской преступности, порожденной

этой беспризорностью. Из сочетаний то этих двух факторов и складывалась во всех государствах детская преступность. В самом деле, ведь с половины 19 столетия, в связи с экономическим переворотом во всех культурных государствах, с развитием капитализма, усилением роста промышленности, необычайным ростом городов на сцену общественной жизни, с какой то особенной силой, выдвигается детская беспризорность, до тех пор не имевшая такого широкого общественного значения. Эта беспризорность является плотью от плоти тех громадных масс пролетариата, которые или имеют слишком недостаточный заработок, чтобы прокормить свои семьи, или, попадая в ряды безработных, совершенно лишаются последнего.

Их то дети роковым образом появляются на улицах, составляя те кадры беспризорных детей—мелочных торговцев-разносчиков, нищих, бродяг, девочек-проститутек, которых так много стало появляться во всех городах. В связи то с этими крупными экономическими и социальными факторами стала необычайно сильно увеличиваться и детская преступность, наблюдаемая также, главным образом, в больших городах. И чем больше развиваются города, чем большим блеском, богатством, архитектурой их построек, шумом уличной жизни, и прочими, всем известными качествами, начинают они выделяться, тем сильнее начинают бить в глаза и их отрицательные стороны, среди которых беспризорность и преступность детей играют главную роль.

Какими же мерами стремились государства всего культурного мира оградить себя в этот период от этих полчищ молодых правонарушителей? К сожалению, все той же системой наказаний и тюрем, что и в прошлые века, не взирая на большой либерализм взглядов, господствовавших в это время в обществе на причины этой детской преступности. Результаты ясны, мы их видели.

Преступность в конце 19 века заметно росла во всех государствах, кроме Англии, исключительное же положение Англии, еще только резче подчеркивает это положение. В самом деле, ведь Англия раньше других государств встала на решительный путь отказа от тюрем и в ней как раз в конце 19 века уже принимаются самые широкие меры к развитию воспитания преступных и брошенных детей и стремятся к тому, чтобы дорога в тюрьму не была „прямоезжей и широкой“ (Дионео „Из Английской жизни“).

Но еще более мы убеждаемся в том, переходя к объяснению понижения волны преступности во втором периоде, т. е. в начале 20 века.

Ведь нет никаких оснований считать, что с новым веком изменились социальные условия и уменьшилась детская беспризорность.

Нет, города все также продолжают развиваться и расти, а вместе с этим по прежнему растут и язвы городской жизни, порождающие беспризорность. Но зато во всех государствах, с начала этого века, мы наблюдаем смену прежней тюремной „пенитэнциарной“ системы воздействия на преступных детей мерами гуманного влияния на них путем воспитания и образования. В это именно время даже самое название „преступные дети“ изгоняется из уголовных кодексов, заменяясь по педагогическим соображениям новым термином „малолетние правонарушители“. Вместе с тем, в этих кодексах появляются совершенно новые отделы, посвященные этим последним, а в Англии в 1907 и 1908 г издаются законы, на столько полно охватывающие вопрос о детской преступности (закон „о попечительном присмотре“ и закон о применении воспитательных мер к юным преступникам), что им англичане дали такое громкое прозвище как „хартия детей“ (великая хартия вольности ребенка.)

С начала же 20 века возникают и быстро развиваются во всех государствах как старого, так и нового света детские суды, создаются специальные детские дома и патронаты.

Отсюда неизбежен один только вывод, что для объяснения весьма заметного падения детской преступности в начале 20 века во всех культурных государствах нет другой причины, как изменение всей прежней системы воздействия на преступных детей, как замена наказания и тюрем мерами педагогического и воспитательного характера.

Переходя к следующим историческим периодам—периоду войны для всех государств, двум революционным периодам в России, а также к периоду голода, мы с тяжелым чувством констатируем, что благие результаты обще мировой судебной реформы в отношении детей в эти периоды затухали и умалились.

Причины этого, однако, тоже понятны. Ведь в такие периоды прорываются наиболее крепкие плотины экономической и социальной жизни. рушатся старые устои гибнут все защитные сооружения. И на этот раз не только само по себе городское рабочее население испытывает более тяжелую нужду, но на него напирают многочисленные жители деревень. Овдовевшие ж ны, осиротевшие дети ищут себе прибежища в городах и тем увеличивают толпы безработных; в силу этих же условий растет и детская беспризорность, а вместе с нею и детская преступность. Зная все это, мы, современники, не должны отчаиваться в силе и значении новых идей и новых мероприятий; к ним, ведь, привели нас не вера и не чувство, а строго научные данные и логика жизненных фактов. Наоборот, мы должны приложить лишь еще большую энергию к их осуществлению и проведению еще в более широком масштабе и тогда они снова выявят свое благотворное влияние.

Однако, усиление преступности во время войны и революции должно побудить современное общество сделать и еще один логический вывод или, лучше сказать, внести значительную поправку в предыдущие выводы.

Ведь эти усиления с особенной силой и резкостью подчеркивают все значение социальных факторов в деле развития преступности детей, ибо сама беспризорность, как основа преступности, в такие моменты особенно выявляет свою социальную природу. Отсюда ясным становится, что меры борьбы с самой преступностью еще недостаточны. Правда, они оказывают громадное значение в том смысле, что уменьшают рецидивы детских преступлений, предохраняя совершивших их от новых покушений и тем уменьшая самую армию преступников, в противоположность прежним мерам, которые, наоборот, из этих лиц делают наиболее опасных членов общества, но все же мы не можем сомневаться, что до тех пор, пока имеет место беспризорность, будет иметь место и детская преступность, и на место одних, выбывающих из рядов преступников, будут становиться все новые и новые лица. Вывод неизбежен: борьба с преступностью должна идти рука об руку с борьбой с беспризорностью. Мы снова, таким образом, приходим к тому же заколдованному кругу: одно общественное явление роковым образом следует за другим.

Это — причина и следствие

Отсюда и меры должны быть направлены не только против следствия (преступности), но и против основной ее причины (беспризорности).

Меры исправления преступных детей.

Можно ли исправить преступного ребенка? Можно ли сделать из него честного гражданина? Ведь согласно всему изложенному, это значит пересоздать его, в корне

изменить весь его духовный мир, вытеснить из его души все прежние образы, подчас такие безобразные, низменные, но для него приятные, все прежние понятия, полученные путем отвлечения и мышления, до сих пор вращающиеся в области всего отрицательного, дурного и низменно-чувственного. Это значит, дальше, на место этих образов, представлений и понятий, ввести здоровые переживания, создать иные образы, светлые и чистые, дать новое понятие, ставящие во владение угла неэгоистические побуждения, а общее человеческое благо. Какая грандиозная задача, скажут нам, но как трудно ее осуществить! На это мы отметим: было ли что либо трудным для человеческого гения, для коллективной человеческой мысли?

Разве история всего человечества не есть сплошная борьба с многообразными трудностями, разве каждый день и каждый час жизни человека на земле не приносит ему все новые победы, все новые успехи, и притом в таких областях, где, казалось, он был так бессилён? И почему вот эта задача, при всей ее грандиозности и величине, есть более трудная, чем все те, которые ставила себе наука во всех областях, и в которых она последовательно шаг за шагом являлась победительницей. К тому же, нужно сказать, что задача исправления преступных детей стала такой сложной и величественной, а потому и трудной, только с того момента, когда наука пришла к заключению, что исправить малолетнего преступника это и значит пересоздать его душу, перестроить его духовный мир. До того же момента, как мы видели уже, в течение целых веков царил весьма и весьма простой взгляд: страхом наказаний можно всегда побудить человека, а тем более ребенка, отказаться от мысли покушаться на новые преступления и если он, отбыв наказание, совершил вторичное преступление, его нужно еще сильнее устроить, еще более жестоко наказать.

Благие результаты не заставят себя долго ждать. Но вот эти то результаты и разочаровали в конце концов представителей уголовного права и заставили их искать иных путей к предупреждению рецидивизма среди преступных детей.

Только путь длинного, упорного перевоспитания, во время которого нужно подойти к преступному ребенку не только со стороны его преступного деяния, заслуживающего той или иной оценки и возмездия, сколько со стороны всех его душевных переживаний, приведших его к этому деянию, ровно как со стороны всех его душевных качеств, не только ежечасно проявляемых им, но и скрытых в нем, быть может таящихся долгие годы.

С этой целью нужно прежде всего изучить ребенка, подробно ознакомиться с этим его духовным миром, раскрыть в нем все дурное и хорошее и всей последующей системой воспитания пробудить в нем то хорошее, что в дремлющем состоянии таилось эти долгие годы, не находя исхода, ровно как заглушить все дурные инстинкты, приведшие его к совершенному им проступку. Сделать это, конечно, не легко. Но задачи эти вовсе и не безнадежны, по крайней мере в отношении очень многих детей. Они требуют прежде всего самой стройной системы подходов к каждому ребенку, к каждому его шагу, с того момента, как его преступное деяние выдвинуло его из ряда беспризорных детей и поставило его перед лицом правосудия и в течение всей его последующей жизни, вплоть до полного его перерождения.

Современная наука уголовного права и создала подобную систему, точно указав все ее составные элементы и специальное значение каждого из них. Остается только осуществить ее, на что требуются материальные средства, во первых, и кадры квалифицированных, честных и любящих свое дело работников—во вторых.

Поскольку каждое государство располагает для этой цели тем и другим, постольку и достижения его будут более или менее полными.

Ознакомимся же теперь с этой системой подходов к преступным детям, именно в его осуществлении на практике, в жизни различных государств, в том числе и у нас,— в советской России. В 1889 году в Америке, в Штатах Колорадо и Иллинойсе, появились первые специальные суды для детей. Вот этим детским судам суждено было сыграть громадную роль во всех последующих начинаниях по борьбе с преступностью детей буквально всего культурного мира.

С необычайной быстротой распространяются они сначала по Америке, а затем и по всей Европе, и в настоящее время нет уже ни одного цивилизованного государства, которое не завело бы у себя легских судов. Вдумываясь в сущность этого нового института,—мы должны согласиться, что такая необычайная сила его обаяния заключается именно в идее, лежащей в его основе, что для исправления преступного ребенка нужны не запугивания тюрьмой, а целая система педагогических мер, ведущих к его полному перевоспитанию.

Очевидно к тому времени эта идея была уже широко воспринята, а общества всех культурных государств лишь ждали ее проведения на практике, в каком либо уголке мира, с тем, чтобы тотчас же применить ее и у себя, на родине каждого.

Каковы же особенности этого нового института, поставленного ныне во главе всей системы исправительного воздействия на детей—правонарушителей.

Эти суды вначале явились лишь результатом учета всех тех отрицательных сторон, которые вытекали из прежнего отсутствия различия между преступниками-взрослыми и малолетними. Так, прежде всего все дела о детях

раньше разбирались в общих судах. Обстановка этих последних всегда отличается некоторой холодностью, суровостью, формализмом, торжественностью; все это рассчитано на глубокое влияние этих черт на психику как преступников, так и судей присяжных-заседателей; это известный, глубоко-задуманный план воздействия на тех и других; это призыв, идущий от каждой мелочи суда, от его слов, от лиц судей, от всей остальной, необычайной для многих торжественной обстановки, призыв к преступникам--забыть все те дразги жизни, которые побуждали их идти на преступление и обратиться к более целому благу жизни каждого--своей совести, призыв к судьям--не быть лицемерными и помнить только одну справедливость.

Все эти особенности на детскую психику действуют совершенно иначе. Они или подавляют детей, заставляют их как бы сжаться, замкнуться в себе, или вызывают в них стремление похвастаться своим героизмом, удальством. Вот почему в основу детских судов кладутся совершенно иные принципы. Здесь прежде всего ограничивается публичность. С этой целью все дела о детях должны разбираться отдельно, притом не публично и на заседания по разбору их должны допускаться лишь те лица, без которых невозможно надлежащее освещение вопроса: родители, повечители, их заменяющие и свидетели. Протоколы этих заседаний не должны опубликовываться; в прессе не должны фигурировать имена преступников, а тем более не должны помещаться их портреты. Далее, в этом суде являются излишними как прокуроры, так и защитники; вель важно не обвинить ребенка, с тем, чтобы его наказать, а подействовать на его хорошие стороны и изыскать меры к его исправлению. С другой стороны, и стремление орган в защиты во что-бы то ни стало оправдать ребенка, также не целесообразно, ибо это оправдание будет служить для него указателем, что он и впредь может делать

то, что делал до сих пор. Далее, сами судьи, а особенно присяжные заседатели, при их временном составе, не будучи знакомы с особенностями всего душевного уклада ребенка, с законами его психики, не могут в достаточной мере понять и оценить те мотивы, которые приводят его к преступлению.

Здесь нужны люди, специально посвятившие себя этому, любящие детей и хорошо изучившие душевный мир и его законы, как у нормального ребенка, так и у больного, с различными уклонами и дефектами.

Отсюда вытекает и вторая черта детских судов—специализация судей. Судья нового детского суда—это не человек с холодным, спокойным разумом, взвешивающий за и против во имя суровой справедливости, как это требуется в обыкновенном суде, а друг ребенка, умеющий, в мирной беседе, проникнуть до глубины его души, снискать его доверие, бережно обходящий все то, что может вызвать протест в ребенке, но в то же время и умеющий выявить в нем все хорошие инстинкты.

Но суд, как бы он ни был хорошо обставлен, в смысле создания наиболее простых взаимоотношений между совершившим правонарушение или подозреваемым в нем и его судьями, не может установить всей картины совершения преступления и всех обстоятельств его вызвавших, без подробного выяснения условий, в которых жил ребенок, в которых он родился, рос и воспитался. Не может также он быстро, сразу ознакомиться со всей психической физиономией ребенка. Ему нужен материал в виде подробного обследования всего этого, собранный и подготовленный заранее, отличающийся наибольшей достоверностью и объективностью. Творцы детских судов предусмотрели и это, выдвинув особый институт в виде попечителей (или как у нас теперь в России их называют—обследователей-воспитателей). На лицах, носящих это название, также лежит весьма серьезная задача.

Ведь их исследование не может быть поверхностным, внешним; они должны возможно глубже проникнуть во все малейшие детали жизни ребенка, изучить буквально каждый уголок его души, проникнуть в истинные причины, приведшие к совершению акта преступления. А этого они могут достигнуть только обладая большим тактом, умением подойти к людям, составляющим семью ребенка, а еще больше умением сблизиться с самим ребенком, заслужить его доверие, и побудить его на откровенность. Во всем этом стремлении получить возможно полную картину условий, благодаря которым и при которых совершено преступление, со стороны попечителя или следователя требуется не только такт и умение, но и искреннее желание помочь ребенку исправиться. Этим указанный институт отличается от института обычных судебных следователей, вся задача которых заключается только в выслеживании нитей преступления и которые во все не заинтересованы в дальнейшей судьбе преступника.

Какие же способы воздействия входят в понятие детских судов; к чему, к каким средствам могут они прибегать в своем стремлении предупредить рецидивы детской преступности?

В этом отношении с идеей детских судов прочно связана та же идея о воспитании и перевоспитании как главном элементе исправления, всего дальнейшего поведения преступных детей, о которой мы уже неоднократно говорили. Но само собою понятно, что осуществление этой последней идеи не может быть шаблонным. Ведь типы таких детей необычайно разнообразны, различны степени их моральной запущенности, еще более различны и причины этой запущенности, ибо мы видели уже, какое громадное количество факторов играет здесь роль.

Отсюда понятно, что и способы педагогического воздействия на таких детей также должны быть разнообразны. Практики тех государств, которые давно уже

восприняли у себя идею детских судов, и со всей серьезностью отнеслись к ее выполнению, создали немало таких способов, которые и проводятся ими в зависимости от тех особенностей, которые представляет из себя каждый молодой правонарушитель.

Итак, какие же эти способы?

Наиболее простым из них является способ, при котором детей отдают на попечение их же родителей или родственников. Конечно, суд должен прибегать к этому только тогда, когда преступление было случайным, по случайному невниманию семьи к вредным наклонностям сына или дочери и когда можно рассчитывать, что этот эпизод заставит встрепнуться родителей и направить всю энергию для исправления детей. Но и в этих случаях они уже не могут остаться без некоторого надзора и руководства члена суда-попечителя или следователя-воспитателя. Последний в то же время должен оказать семье всякую поддержку в их новой трудной задаче — оказать ли материальную помощь, посылать ли им работу, устроить ли совершившего проступок в учебное заведение и пр. На все эти нужды попечитель должен откликнуться, ко всем им должен отнестись с возможно большей серьезностью, изыскивая всякие средства для их удовлетворения.

Но родители и близкие родственники могут отсутствовать; ведь сиротство, как мы видели уж, одно из видов детской беспризорности. Да и собственная семья, мы видели также это, не всегда ведь является гарантией, что ребенок или подросток могут исправиться.

Наоборот, иная семья отличается такими качествами, что отдача им ребенка окончательно лишь его погубит. В таких случаях перед детским судом есть две возможности: отдача его в чужую семью, но здоровую и крепкую морально, влияние всех членов которой может быть хорошей школой для него, где он получает

новые устои, где из него вырабатывается полезный гражданин. Тогда перед нами будет осуществлен и идеи патрон ми, причем на попечителя лежит задача войти в такие же отношения с этой семьей, как и при отдаче ребенка в его родную семью. Но эту возможность далеко нельзя считать удовлетворительной—детский суд здесь ставит свои задачи перевоспитания преступных детских элементов в зависимости от взглядов частных семейств, которые могут быть так различны на разные вещи, что участь их при отдаче в такие семьи невозможно; а главное, в основе приема этими семьями чужих детей, к тому же совершивших тот или другой дурной проступок, конечно, лежит только денежная плата, или какие либо материальные выгоды. Рассчитывать, что эти материальные интересы превратятся потом в привязанность, что на место их встанут любовные отношения, как к своему ребенку, конечно, трудно. Вот почему на идею патронирования преступных детей во всех государствах смотрят тол ко как на один из более выгодных в экономическом смысле способов, к которому приходится прибегать при отсутствии других, более положительных выходов из положения. Более радикальной мерой является отдача детей в особого типа детские общежития, в которых проводятся известные, выработанные наукой и практикой, методы педагогического воздействия. Типы эти очень разнообразны, в зависимости, главным образом, от степени моральной запущенности детей, а также и от преобладания того или другого педагогического взгляда тех лиц, которые стоят во главе подобных учреждений, от материальных средств, от окружающих условий и т. п. Но как бы они ни были разнообразны по направлению, по деталям, по размаху, с которым проводится тот или другой метод, все же есть общие черты, свойственные всем подобным учреждениям, на которых необходимо остановиться. Во всех исправительных учреждениях, какого

бы они характера не были, внимание и энергия всего персонала, работающего непосредственно среди детей, устремлены прежде всего на укрепление их воли, на развитие в них сознания долга, ответственности за свои поступки. К этому, главным образом, приурочивается не только внешний распорядок дня, но и весь внутренний жизненный уклад каждого учреждения.

Порядок в жизни — порядок во всем, во всех мелочах и на каждом шагу, и труд, труд не кабальный, не вынужденный, а интересный, захватывающий душевный мир ребенка — вот основы педагогических мероприятий в таких учреждениях. Но эти мероприятия проводятся не на словах, а на деле и вот здесь громадную роль играет как подбор персонала, так и соответственная обстановка. Педагоги должны быть таковы, чтобы они могли уметь водворять дисциплину и порядок не наказанием, не суровостью и угрозами, а прежде всего любовным отношением, лаской, а главное — *личным примером*.

Их требования к воспитанникам тогда только могут иметь силу закона и обязательности, когда они сами аккуратно выполняют свои обязанности перед воспитанниками. Никаких опозданий на уроки, никаких ссылок на отсутствие того или другого пособия не должно допускаться — говорил нам один из заведывающих Московскими Д. учреждениями.

Ничто так деморализующе не действует на воспитанников и учащихся, как дурные примеры со стороны преподавателя: то он опоздал, то забыл какую нибудь книжку, то он ссылается на неимение в его распоряжении бумаги, карандашей и пр. Все и все должны быть во время на месте. Умственный труд во время школьных занятий должен быть всесторонним, а главное — интересным, что достигается, главным образом, беседами, а не лекциями, и рассказами, и втягиванием в эти беседы всех, находящихся в классе, учащихся, равно как на-

глядностью и демонстрациями. Современная педагогика богата всевозможными методами, облегчающими эти задачи и вот самое широкое использование этих методов в таких учреждениях дает особенно благотворные результаты. При помощи их, все прежние дикие представления ребенка, всосанные им из окружающей его действительности и прежние интересы должны быть вытеснены новым миром знаний, пробуждающих в нем и новые интересы и новые стремления.

Но школьный труд не может занять всего дня воспитанников: для этого он слишком утомителен, особенно для такого города детей, с расслабленной волевой сферой, и слабо развитым вниманием. Оставить же их на все остальное время дня, до ночи, без осмысленных занятий и высоких духовных интересов, это значит—дать им возможность снова вернуться к своим прежним представлениям, прежним переживаниям. На помощь должны быть призваны иные занятия: ремесло или сельское хозяйство, клубная работа, разумные развлечения и игры. Ремесла и сельское хозяйство, отвлекая внимание детей на разумное и здоровое дело, в то же время и дают им те навыки, которые потом, при возвращении их в среду остального общества, могут быть прекрасным орудием в борьбе за существование, давая им для этого хороший, сравнительно, заработок. Что касается клубной работы и развлечения, то они при умелом руководстве со стороны педагогического персонала, могут, в свою очередь, оказать необычайно благотворное влияние на психику детей. В хорошо поставленных клубах дети всего больше проявляют свои способности, склонности и вместе с тем свою самостоятельность: так называемая, драматизация или постановка театральных представлений, являющихся продуктом собственного детского творчества, ведение литературных сборников и журналов, рисование, пение и музыка и все другие моменты клубной жизни—все это такие им-

пульсы для пробуждения хороших сторон душевной жизни почти любого ребенка, что едва ли кто либо может сомневаться в их положительных результатах и здесь им—в этих домах для перевоспитания—должна отводиться особенно почетная роль.

Но и игры детей, там, где рука педагога незаметна, но настойчиво проводит определенную линию—использовать их в смысле воспитания хороших навыков, дают необычайно хорошие результаты. Здесь, вель, во время этих приятных для детей забав, выковываются в то же время чувства товарищества, солидарности, стойкости, инициативы и пр. качества, которые играют такую громадную положительную роль в общественной жизни, т. е. там, за стенами учреждений, куда потом должны вернуться эти юные правонарушители,

Вот главнейшие основные черты, которые должны быть присущи всем учреждениям, предназначенным для пересоздания всего духовного мира преступных детей, Разнообразие их и их специфические черты будут зависеть как от специальных требований, предъявляемых к тому или другому учреждению, так и от многих условий, то материального свойства, то какого либо другого. Среди этих требований мы должны обратить особенное внимание на те требования, которые выдвигаются особенностями психической сферы преступников степенью их моральной запущенности. В этом отношении мы различаем учреждения:

1. Для детей, сравнительно легко поддающихся воздействию.
2. Для особенно трудных в воспитательном отношении и
3. Для нервно и душевно-больных—медицинско-лечебного характера.

Первые два типа различаются по степени проведения дисциплины, причем в учреждениях второго типа, так

называемых, реформаториях, или как их называют у себя американцы — университетах последней надежды, свобода детей значительно более стеснена, чем в первых, где дети этого нарушения почти не замечают. Таким образом, эти реформатории по такому приему, как лишение свободы, напоминают тюрьмы, — но в то же время все остальное построено на воспитании, но не на наказании, с проведением всех перечисленных мною методов, но только лишь более настойчиво и строго.

Вот, вкратце, каковы характерные черты мероприятий, направленных непосредственно на личность преступника-детских судов и связанных с ними учреждений. Как те, так и другие существуют в настоящее время во всех культурных государствах старого и нового света, и как мы видели на статистических данных, приносят уже известные положительные результаты.

Какие же меры в отношении преступных детей проводятся в настоящее время у нас, в советской России?

В основу своего нового законодательства советская Россия кладет те же главнейшие мероприятия, какие были выработаны наукой и опытом других государств, но с некоторыми новыми чертами, указывающими на дальнейший шаг вперед. Так, законодатели советской России, исходя из того, что из понятия „суд“ само собой вытекает и понятие о наказании, решили совершенно отказаться от самого названия „суд“ и заменили термин „Детский суд“ термином „Комиссия о несовершеннолетних правонарушителях“. Но и состав этих комиссий, а особенно характер работы их, значительно видоизменены. Так, в Западной Европе и Америке суд единоличен (за исключением, правда, Франции, где в суде заседает коллегия). Мотивами этого всюду служит стремление как можно упростить обстановку суда и приблизить ее к простой беседе, с глазу на глаз, судьи и ребенка, совершившего проступок, чем избегаются те

вредные стороны большого числа лиц, присутствующих на допросе ребенка, о которых мы уже говорили. Но в этом, вполне логичном, соображении есть и крупный дефект: вель современный взгляд на причины детской преступности требует слишком, большого, серьезного и всестороннего изучения каждого отдельного случая; это, в свою очередь, слишком затрудняет дело опроса и выяснения роли ребенка в правонарушении при единоличии судей; тут так переплетаются вопросы медицинские, педагогические и юридические, что при современной высоте знаний в каждой из этих областей, справиться одному человеку с ними совершенно невозможно. Вот почему в законодательстве советской России состав комиссии доведен до 3-х лиц—представителей этих трех важнейших областей науки, следовательно, в наши комиссии входят: педагог, юрист и врач—психолог или психиатр, что обеспечивает вполне всесторонность выяснения причины каждого отдельного правонарушения.

Таким образом, первейшей задачей наших комиссий, по мысли законодателя, является самое подробное и даже научное обследование каждого случая. Эта же цель проводится у нас и рядом дальнейших органов тесно связанных с работой комиссий. Так, первоначальное обследование производится не на суде, а дома, где проживает правонарушитель, через институт обследователей-воспитателей.

Уже самое название обследователь-воспитатель указывает, что и здесь мысль законодателя, привлекающего к этой роли педагога, пошла несколько дальше, чем в других государствах, где на подобных ролях обследователей может быть каждый обыкновенный гражданин, без особенного педагогического стажа.

На помощь этому агенту комиссии должен придти и тот врач-психиатр, который входит в состав ее, в тех случаях, когда одного педагогического подхода недоста-

точно, что и неудивительно после тех требований, которые теперь представляются наукой. По отношению многих из таких детей может встретиться необходимость самого подробного психологического обследования в одном из научных учреждений. Декрет о комиссиях предусмотрел подобные учреждения в виде, так называемых, наблюдательно—распределительных пунктов, являющихся в сущности детскими общежитиями, с хорошо обставленными психологическими лабораториями, где дети и находятся более или менее продолжительное время, подвергаясь необходимому изучению. Но вот ребенок изучен. Установлены главнейшие факторы его дурного поступка, роль индивидуальных психических черт ребенка и степень влияния на него различных социальных причин; намечен, далее, и путь к исправлению, в ряде медико-педагогических или просто педагогических мер. Комиссия в полном своем составе, пользуясь всеми материалами, добытыми предварительно всеми указанными способами, решает теперь вопрос о его дальнейшей судьбе. Какова же эта судьба и кто о ней в дальнейшем заботится, по мысли нашего русского законодательства? Раз в основу всего законодательства о преступных детях положены медико-педагогические меры, то логика вещей требовала, чтобы комиссии о несовершеннолетних не оставались висящими в воздухе, а чтобы, наоборот, они были тесно связаны со всеми органами, непосредственно ведающими учреждениями подобного характера. На этот путь и встали те акты, которые трактуют о детской преступности. Так, одновременно с изданием инструкции комиссии о несовершеннолетних правонарушителях, было выработано и положение об организации отдела правовой защиты несовершеннолетних, переименованного затем в отдел „Социально-правовой охраны несовершеннолетних“ или кратко „СПОН“. Наиболее насущными задачами этого нового органа в положении указаны сле-

дующие: насаждение сети учреждений, необходимых для борьбы с детской преступностью и даже с беспризорностью, инструктирование и подготовка состоящих при комиссиях обследователей-воспитателей; позднее рамки положения о „СПОН'е“ были и еще расширены — передачей ему всех дел об опеке несовершеннолетних, обязанностью оказания юридической помощи несовершеннолетним, и некоторыми другими более мелкими задачами.

Таким образом, этому органу, вместе с комиссией о несовершеннолетних, соответствующими декретами дано юридическое право к довольно широкой и всесторонней борьбе с детской преступностью.

Вдумываясь в функции обеих этих органов, как они начертаны в законодательных актах, мы видим, что здесь в сущности, предусмотрены все те же мероприятия, которые выдвинуты были в других государствах, в связи с учреждениями детских судов. Последующие практические мероприятия и пошли по этому пути. В целом ряде губерний открываются комиссии с несовершеннолетних, с их штатами обследователей-воспитателей, создаются отделы социально-правовой охраны несовершеннолетних, последние в свою очередь приступают к насаждению сети, различных типов детских учреждений с обязательным уклоном в сторону медико-педагогического воздействия на их воспитанников. К сожалению, такой широкий характер практической деятельности в отношении преступников продолжался у нас сравнительно недолго. Ее дальнейшее развитие встретилось с весьма существенными препятствиями, значительно сузившими его первоначальный размах. Этими препятствиями являются те тяжелые внешние условия для проведения мероприятий педагогического характера на практике. Они необычайно существенны, по крайней мере, для данного времени.

Ведь все учреждения, рекомендуемые наукой и практикой Европы и Америки для перевоспитания детей с преступными — наклонностями, требуют колоссальных средств, во первых, и кадров хорошо подготовленных специалистов — педагогов и врачей, — во вторых. И в том и в другом отношении /наша родина в данное время находится в исключительно тяжелых условиях. Нет материальных средств для того, чтобы развернуть в каждом, более или менее крупном районе необходимую сеть детских учреждений, нет специалистов, ибо Россия еще так недавно встала на этот новый путь и специалисты не успели еще выработаться в достаточном количестве. Вот причина, почему Россия, сделав крупный скачек в отношении развития всякого рода детских учреждений в первое время после революции, впоследствии вынуждена была приостановиться. В настоящее время, по имеющимся у нас данным, дело обстоит следующим образом.

Из 168 детских учреждений школы функционируют более или менее правильно в 27 учреждениях, работают с перебоями в 72-х учреждениях, работают менее правильно в 47, и совсем не ведется школьных занятий в 49 учреждениях. В число последних входят по преимуществу приемники, в которых за кратковременностью пребывания детей педагогическую работу поставить трудно.

Руководители-специалисты по дефективности со стажем имелись всего в 60 учр, в 47 руководители имели общее педагогическое образование и в 61-м учрежд. руководителями являлись лица без всякой педагогической подготовки.

Вообще же только в $\frac{1}{4}$ учреждений имелись специалисты-педагоги — дефектисты (Люблинский 278).

Итак, вот какова, в кратких чертах, постановка в настоящее время борьбы с детской преступностью во всех государствах, в том числе и в России.

Меры против беспризорности.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с мероприятиями против беспризорности, как она осуществляется в настоящее время и есть ли в этом направлении что-нибудь более реальное, крупное, что бы могло иметь такое же, например, значение, как та система медико-педагогических мероприятий, с которой мы познакомились.

Само собою понятно, что наиболее действительными мерами против беспризорности будут лишь те, которые будут направлены против причин самой беспризорности, т. е. против факторов, ее порождающих, как безработица, экономическая придавленность трудящихся масс, алкоголизм, темнота и невежество широких слоев населения и пр.. Факторы эти необычайно могущественны и мероприятия против них требуют соответственно крупных экономических затрат и различных внутренних переустройств, о которых здесь не место говорить, но есть ряд других мероприятий, не столь радикальных, но все же имеющих громадное значение в деле борьбы с беспризорностью и направленных непосредственно на беспризорных детей, подобно тому, как только что рассмотренные нами меры были направлены на преступный их элемент.

Таким образом, меры этого порядка направляются против всех главнейших видов беспризорности: нищенства, бродяжничества, детской торговли, детской проституции и пр. Все они носят тот же характер педагогического воздействия, как и меры против преступности, только на этот раз они направляются на значительно большее количество детей. Детей, лишенных родительского попечения и надзора необходимо уберечь от случайных влияний улицы, дать им лучшую среду и лучшие условия, при которых они могли бы испытать на себе все могущественное влияние разумного воспитания. Эта цель может быть прекрасно выполнена путем насаждения сети детских домов, равно как устройства детских оча-

гов, площадок, клубов, чтений, экскурсий, равно как организацией различных разумных развлечений и праздников.

Даже ночлежные дома, или как их называют „дома с открытыми дверями“, могут быть организованы таким образом, чтобы беспризорные дети пользовались полной свободой вне их, но приходя сюда, они имели бы ночлег, пищу и вместе с тем имели бы возможность, до наступления сна прочесть хорошую книжку, принять участие в беседах с хорошими опытными педагогами, посмотреть хорошую пиеску и пр.ч.

И в таком виде дома могут уже оказать громадное влияние в смысле толчка на пробуждение в ребенке хороших душевных сторон. Не привлекая детей улицы к посещению организованных специально для них разумных развлечений и зрелищ, нельзя оставлять без внимания и все те развлечения, которые являются несомненно вредными для них в моральном отношении. Здесь уже необходимы запретительные меры, направленные против ресторанов, трактиров, пивных, питейных заведений, кино и других учреждений для взрослых. Детям здесь не должно быть места. С этим всячески должны бороться все правительственные и общественные органы. Нельзя не остановиться при этом на специально вредном влиянии кинематографов, с их погоней за всякими бьющими на нервы картинками. Вот что говорит по этому поводу д-р Хили в своей книжке о „малолетних правонарушителях“: „Имеются вполне достаточные психологические основания для признания весьма сильного влияния изображений на детскую психику. Почти у всех людей зрительная память и зрительное воображение играют наиболее динамическую роль в их психической жизни. Именно, виденная вещь воскресает в сознании с наибольшей силой и вероятно с наибольшей частотой. Сила способности к зрительному воспроизведению дол-

жна быть учитываема и как один из источников преступности. При расспросе преступников, как взрослых, так и юных, относительно той части его психических переживаний, которая толкнула его на путь преступности, мы почти всегда получаем ответ, показывающий, что стимул лежал в области зрительного воображения. При наблюдении кинематографических фильм к чисто зрительному представлению присоединяются еще и другие элементы, способствующие образованию различных склонностей.

Здесь изображаются не отдельные события, не отдельные поступки, а целые главы из жизни, сложная цепь, легко усваиваемая во всех ее подробностях. Взлом несгораемого шкафа, установка поезда, покушение на самоубийство здесь изображены таким образом, что вся картина, при малейшем удобном случае, легко воспроизводится в памяти в малейших подробностях" (цитировано по Люблинскому стр. 97).

Не менее вредное влияние оказывает и нездоровое чтение всевозможных рассказов и романов, содержание которых заполнено различными сенсационными уголовными и любовными приключениями, а также участие детей в различных азартных играх.

В этом направлении также должны широко практиковаться запретительные меры, равно как и в отношении всего, что действует раздражающе на нервную систему детей, как позднее шатание детей по улицам, ненужное пребывание их на рынках, на вокзалах пристанях и т. п. Но если в отношении детей с сравнительно здоровой психической сферой только что перечисленные меры являются достаточными, при условии их строгого и широкого проведения, то иначе обстоит дело с детьми, страдающими дефектами в умственной или нравственной сфере. Такие дети даже в хороших, здоровых в моральном смысле семьях, но не обладающих умением и возможностью

применить к ним специальные меры воспитания, нередко делаются совершенно аморальными, а следовательно, и вредными для общества. Здесь наиболее разумной мерой является насаждение самой широкой сети специальных детских учреждений, будут ли то школы для приходящих или детские дома для постоянно живущих. Систематическое проведение специального плана воспитания в таких учреждениях способно и этих детей, как ни убог их душевный мир, делать участниками в общем строительстве жизни. Если мы упомянем здесь о необходимости организации моральной опеки над детьми, семьи которых оказывают на детей растлевающее влияние, путем передачи этих детей в другие семьи или детские общежития, где они лучше обеспечиваются в педагогическом смысле, то мы исчерпаем почти все основные практические мероприятия, выработанные теорией и жизнью против беспризорности.

Обращаясь к практике различных государств, в отношении этих мероприятий, мы должны отметить довольно значительную разницу в самом способе проведения их на западе и Америке. с одной стороны, и у нас в России — с другой. В тех государствах почти вся борьба с беспризорностью, в смысле инициативы, добывания средств, организации учреждений и работы в них лежит на общественных организациях — различных культурно-просветительных и благотворительных обществах. Роль государства сводится к материальной помощи этим обществам, в виде различных субсидий, и некоторому контролю над их деятельностью. В зависимости от энергии обществ различных государств находится и степень развития мер борьбы с детской беспризорностью. В Англии, Франции и Америке есть уже довольно старые мощные общественные организации, состоящие из очень большого количества членов и обладающие крупными капиталами, которые успели на протяжении нескольких лет организовать целую сеть

детских учреждений самых разнообразных типов, которые и приносят уже заметную реальную пользу; в других государствах такие общества еще только нарождаются, но и здесь инициатива работы переходит в их руки. В советской России государственная власть почти с момента ее возникновения об'явила борьбу с детской беспризорностью одной из насущных своих задач, выработала план работы в этом направлении, в виде довольно стройной системы различных детских учреждений и вслед за тем приступила к фактическому выполнению этого плана, причем роль общества, в противоположность другим государствам, сводится к некоторой помощи государству.

Остановимся же несколько подробнее на той и другой работе государства, как правительственного органа и общества, в виде различных общественных организаций. Для того, чтобы определить беспризорных детей в то или иное учреждение, их необходимо прежде всего собрать в одно определенное место, ради чего их нужно разыскивать по улицам, площадям, базарам, различным закоулкам и притонам. Доверить эту функцию обычной милиции не представляется возможным, т. к. последняя к этому слишком не подготовлена, и приемы, применяемые ею при задержании детей, часто слишком противоречат тем педагогическим принципам, которые лежат, в основе всей борьбы с беспризорностью. Помещение их в милицейские участки до разбора их дел еще меньше соответствует этим принципам.

Вот почему в советском законодательстве были предусмотрены, с одной стороны, особый институт так называемых „детских социальных инспекторов“, с другой — особый тип детских учреждений — „детские приемники“, для предварительного помещения туда детей, собранных отовсюду этими инспекторами. По мысли законодателя социальные инспектора должны уметь подойти к беспризорным детям, подобно обследователям-воспитателям,

путем убеждений и приветливости, следовательно, должны подбираться из людей гуманных и любящих детей, приемник же распределитель должен обеспечить детям первичный приют и уход. Следующей стадией являются детские дома и общежития как для нормальных детей, так и для различных форм дефективности, но прежде чем их туда поместить, необходимо разобраться в них, распределить по группам, в зависимости от степени их моральной запущенности. Ради этой цели в законе указаны наблюдательно-распределительные пункты, психопатологические лаборатории, клиники-институты, где подобное обследование может производиться по всем правилам медицинской и педагогической наук.

Только уже после этой предварительной работы, по смыслу законодательных актов о беспризорности, дети должны помещаться в соответственные учреждения. Все изложенные функции ведают уже упомянутые нами отделы социально правовой охраны несовершеннолетних.

На них же потом возложена и опека над несовершеннолетними, оказание им юридической помощи и некоторые другие функции.

Посмотрим теперь, в каких пределах осуществляется эта работа.

На основании имеющихся материалов к 1-му января 1922 года по всей советской республике, кроме нескольких тысяч детских домов, организованных раньше, было организовано 160 приемников, 50 распределителей, 230 комиссий о несовершеннолетних, 7 детских юридических консультаций, 4 детских адресных стола, 88 учреждений для морально дефективных детей и 51 для умственно дефективных.

Если принять во внимание краткость времени, в течение которого все эти учреждения возникли, то, конечно, нужно признать всю эту работу по организации их колоссальной. Однако, в отношении к потребностям—

количество созданных учреждений и организаций еще слишком недостаточно; так, по словам т. Комова, стоящего во главе дефективности в России, процент удовлетворенности нужды в учреждениях по дефективности детей не превышает 5—6, по другим расчетам Россия нуждается в 200 комиссиях для несовершеннолетних, в 100 новых распределителях, в большом количестве юридических бюро, адресных столов и хотя бы в одном приемнике в каждом уезде. Столь же существенной является и недостача постоянных детских домов для здоровых детей. Отсюда вывод один: государству, при данных тяжелых экономических условиях, не справиться с той колоссальной задачей, которую оно взяло на себя: необходимо самое широкое участие общественных сил: ведь если богатые государства запада, а также и Америка перенесли почти весь центр тяжести борьбы с беспризорностью в недра общественных организаций, то нашему государству необходимо хотя часть забот возложить на последние. Правда, и у нас трудящиеся массы приходят на помощь органам власти устройством ударных недель, субботников, воскресников, отчислением процент в с заработка и пр., но вся эта помощь носить характер отрывочности, бессистемности и периодичности.

Нет той планомерности, того постоянства, которые присущи постоянным органам, того разнообразия форм деятельности, на которые последние способны, при известной налаженности. И вот в этих органах чувствуется особенно острая нужда в настоящее время, когда мы так чутко начинаем относиться к детской беспризорности и детской преступности.

Заканчивая на этом нашу статью (о детской беспризорности и преступности) и бросая еще раз беглый взгляд на весь материал, имевшийся в нашем распоряжении, мы вправе сделать следующее окончательное заключение.

В настоящее время все государства встревожены необычайным ростом детской преступности и все они, одно за другим, стремятся бороться с этим не карательными мерами, а мерами гуманности, — воспитания и перевоспитания. Все уже встали на этот путь, причем одни в этом направлении делают очень робкие шаги, другие идут значительно дальше, не только в количественном смысле, но и в качественном, путем более или менее решительного изменения всей системы мероприятий против детской преступности. Прошлое — меры карательные, — очевидно, скоро будет уже решительно и бесповоротно осуждено, ибо логика событий показала их полную несостоятельность и необоснованность. Россия в этом отношении также сильно шагнула вперед: она круто и резко изменила свое прежнее отношение к детской преступности, создала совершенно новые организации, поставила вопрос о детской преступности в другую плоскость и выдвинула совершенно новые меры борьбы с нею, поставив в основу борьбу с беспризорностью. И все же ни одно государство, в том числе и Россия, не может в настоящее время гордиться успехом. Детская преступность уступившая первоначальным усилиям с войной и экономической разрухой снова и повсюду усилилась. Как бурный поток, она уничтожает все преграды, вырывается из всех заграждений. Причин этому две.

Детскую преступность порождают социальные условия. Они же поднимают ее на известную высоту и поддерживают на ней — вот истина, в которой мы не смеем сомневаться; она же приводит к неизбежному выводу: в первую голову необходимы самые широкие социальные и экономические меры, направленные к улучшению положения трудящихся масс; они же будут и наиболее радикальными мерами — против детской преступности.

Вторая причина — недостаток самодеятельности самого общества в борьбе с этим злом. Эта самодеятельность,

проявляемая в широких размерах, может в значительной степени коррегировать влияние первой причины, но она совершенно бессильна, будучи проявлена слабо.

Мы видим, что эта самодеятельность оказалось недостаточной за границей, еще более она недостаточна у нас в России.

Отсюда неизбежно одно заключение: необходимо расширить пределы этой самодеятельности. Мы обязаны взяться за эту новую для нас работу — работу по борьбе с детской преступностью и беспризорностью. Она для нас нова, может быть мы еще не знаем, как к ней подойти, мы не умеем за нее взяться, но это не должно нас смущать. Мы должны постоянно помнить, что детская преступность по двум основаниям заслуживает нашего самого серьезного внимания. Вѣдь она — эта детская преступность — величайшая аномалия, это самое уродливое явление, какое только можно себе представить: ребенок, дитя — преступник; все это так дико, так чудовищно странно.

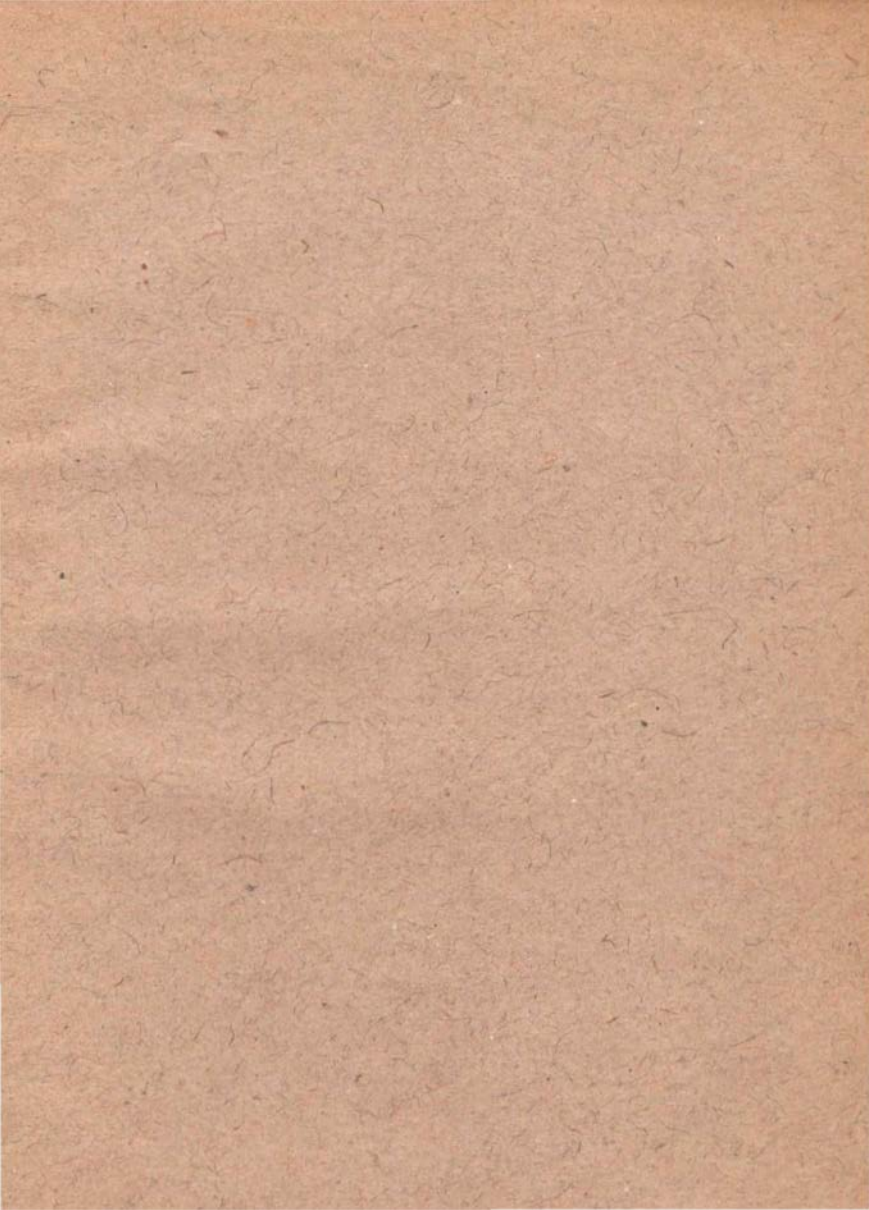
И тем не менее это чудовищное в качественном отношении явление становится чудовищным и в количественном: преступность детей необычайно велика везде, велика она и у нас; порой же, в моменты критические, как война и революция, она достигает необычайных размеров.

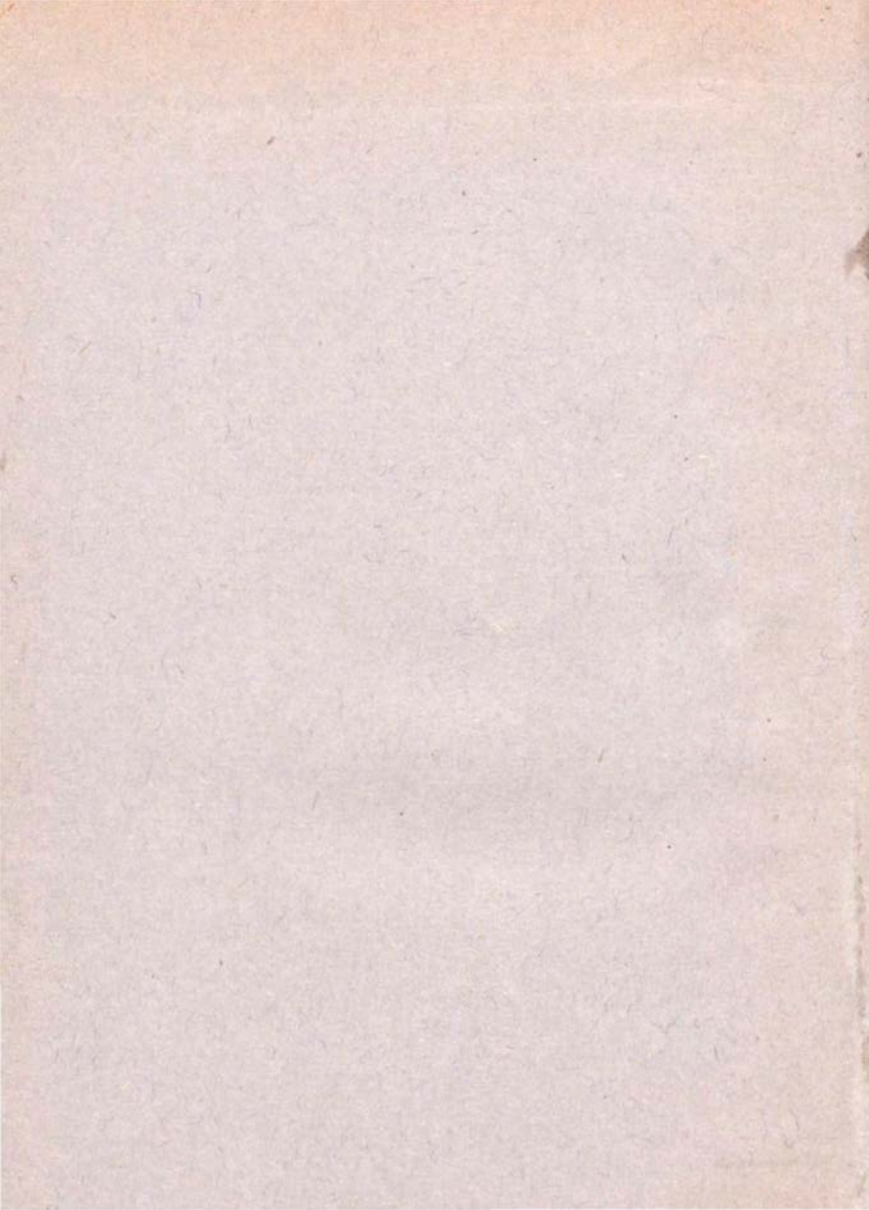
И вот по этим двум основаниям мы должны взяться за эту новую работу, как бы ни казалась она нам трудной...

Вспомним слова нашего поэта Некрасова:

**„Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей
Из за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей“**

И ответим ему: „Нет, мы не равнодушны к проклятьям гибнущих людей, мы слышим эти жалобы детей и мы придем им на помощь“.

2007113445